

Ник
ПЕРУМОВ

Семь Зверей Райлега
АЛИЕДОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Ник Перумов
Алиедора
Серия «Семь Зверей Райлега», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181985
Алиедора: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35909-7*

Аннотация

Как все хорошо начиналось! Дочь знатного сенора Алиедора Венти готова была стать примерной женой младшему сыну из рода Деррано, нарожать ему детей и вести спокойную жизнь в замке, управляя хозяйством и заботясь о муже. Но нет. Не судьба. И вот уже позади бешеная скачка в ночи, погоня и страшные воспоминания. А впереди? Впереди такое, во что невозможно поверить. И жить дальше можно только потому, что еще не знаешь, что это случится с тобой. Но от судьбы не уйдешь. И скакун мчит Алиедору сквозь войну, навстречу кровавым испытаниям, гибели близких и жуткому одиночеству.

Которые навсегда изменят душу и ожесточат сердце.

Но ни за что не позволят ей свернуть с этой страшной дороги к совершенно иной жизни.

Содержание

Ха сомреали ди Марга	5
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ник Перумов

Алиедора

вались лишь сухие русла; видели полёт величественных крылатых существ и жалкий конец их потомков, выродившихся в подколодных змей.

Они не увидели лишь одного – того мига, когда лоно мира, задрожав от небывалой боли, извергло из себя первых людей.

Мы говорим – один из Безымянных спустился к самым огневеющим недрам. Однако слабы оказались кости земли, редко им доводилось держать на себе подобную ношу. Мы говорим – опоры подломились, основания распались, и Безымянный рухнул вниз, в море бушующего пламени. Мы говорим – там впервые испытал он боль, там впервые познал страх и желание жить – во что бы то ни стало, любой ценой.

...Безымянный вырвался из пламенной ловушки – иного и случиться не могло, ведь он был изначальной силой. Однако он унёс с собой память о небывалом, там испытанном. О неистовой борьбе. О безумной надежде. И об ощущении надвигающегося неизбежного конца.

Старшие говорят – наверное, столь сильны были эти чувства, что не смог Безымянный удержать их в себе. Опа– лённый подземным пламенем, он словно лишился рассудка; и верно, ничем, кроме как временным помрачением великой силы, нельзя объяснить появление на земле Райлега людей.

Мы говорим – Безымянный кричал от неведомой ранее боли, и крик этот достигал самых отдалённых уголков нашего мира. Крик сотрясал основы, и незыблемое повергалось во прах. А когда стих страшный вопль, из раскрывшегося земного чрева в потоках лавы появились первые люди.

Жестоки они, как породивший их отец-огонь, и тверды, как мать-земля. Только кажутся они порой слабыми и безвольными. Легко впасть в ошибку презрения, недооценив их силы. В сердце даже самого ничёмого, самого трусливого из их племени горит изначальное пламя, а в душе, даже самой опустившейся, мелкой и ничтожной, – кроется несокрушимый гранит земной плоти.

Остерегайся людей, говорят Старшие, и повторяем мы. Страшись, бойся и беги их и не преклоняй слуха к тем, кто станет с пренебрежением говорить о них, краткоживущих, не обладающих сокровенным знанием, как мы.

Ибо, как никто, помнят люди древний зарок Семи Зверей, зарок жестокого и безжалостного мира – не отступать и не сдаваться.

Пролог

Море Мечей изо всех сил старалось оправдать название. От затянутых серой мглой небес до тяжело вздымающегося и опадающего покрывала вод пространство полосовали ветвистые молнии. Перепуганное светило скрылось, меж морем и небом воцарились ранние сумерки; и среди мерно катящихся валов мало чей глаз сумел бы разглядеть небольшой двухмачтовый парусник, лёгкий бриг, уверенно державший нос по волне.

В отличие от множества иных судов, бороздивших море Мечей, на мачтах брига не было флагов; хотя даже пираты брезговали плавать «нагишом», как это прозывалось у моряков.

Пожелай какой-нибудь любопытствующий волшебник узреть, что творится на палубе, его ожидало разочарование: он не увидел бы вообще ничего, ни одной живой души (впрочем, и неживой тоже), словно на пресловутом корабле-призраке.

Корпус брига был ярко-травянисто-зелёным, и такими же – паруса.

Никто, ни одно судно, когда-либо рассекавшее здешние воды, не имело такой окраски.

Никого не было на палубе, никто не стоял у руля, поворачивавшегося, словно по собственной воле.

И лишь в кормовой надстройке, за окнами цветного стекла, шёл негромкий разговор.

– Ошибки быть не может. – Только в одном месте мира Семи Зверей говорили на этом языке, древнем, самом древнем из всех, что знали эти небеса. – Он здесь.

Изящная рука с тонкими, но сильными пальцами протянулась через стол, легко касаясь расстеленной карты. Покрытый сложным золотисто-зелёным узором ноготь скользнул вдоль побережья Вольных городов, задумчиво помедлил у Скирингсалла и двинулся к юго-западу, мимо Оса, Дамата, Феана – вдоль врезавшегося в море полуострова.

– Он здесь. Я чувствую эхо заклинания.

– Прошлый раз ты тоже «чувствовал», Роллэ. И мы угодили в Облачный Лес. Где узнали любимую поговорку тамошних обитателей. Да-да, ту самую – «кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет».

– Мы же не погибли, – последовал сухой ответ.

– Но чего это нам стоило!

– Ты поднимаешь эту тему снова и снова, Фереальв.

– Я подниму её и когда мы вернёмся в Башню Затмений. Мудрые должны узнать.

– Спасибо. Что бы я делал без твоих напоминаний.

– Роллэ, Роллэ! Почему я всё время вынужден призывать тебя к серьёзности?! Наблюдающие вручили в твои руки...

– Да-да, Фереальв, я помню. И потому говорю – он здесь. Несмотря на случившееся в Облачном Лесу.

– Он – здесь. Допустим. А где в таком случае она?

Молчание.

– Обрати сей вопрос к самому себе, Фереальв.

– Если бы я мог ответить на него сам, Роллэ, будь уверен, я не отягощал бы твой слух своими бессмысленными словесами.

– Как же так? Могущественный и многознающий Фереальв, надежда Башни Затмений, лучший Наблюдающий последнего века...

– Прошу тебя, Роллэ. Ты знаешь, что брошено на весы. И знаешь, что мой доклад будет полным и нелицеприятным отнюдь не от вражды к тебе. Я буду столь же беспристрастен и объективен также по отношению к себе. От этого зависит судьба Смарагда!

– Оставь, Фереальв. Судьба нашего острова зависит совсем не от этого.

– От чего ж тогда? Я не смеюсь, Роллэ. За это время мои взгляды... несколько изменились. Ответь, прошу тебя.

– То есть ты всё-таки хочешь знать, от чего? Фереальв, ведь я толковал об этом на всех советах, убеждал в Башне Затмений и в Башне Звёзд на Луале. Я взывал к Мудрым в Башне Пространств...

– Роллэ, мне прекрасно известно, где звучали твои речи и к кому были обращены. Я знаком и с их содержанием. Но сейчас, когда мы здесь, в диком море, вдвоём, после всего увиденного, после всех заклятий, сотворённых вместе, – ты не хочешь поделиться ничем иным?

– Всё увиденное, Фереальв, только укрепило меня в мысли – мы ищем не там, где надо. Отмеченное роком существо – совсем не тот, кого мы разыскиваем.

– Но отзвуки сотворённых им заклятий – это ли не прямое доказательство?

– Могучий Фереальв снизошёл до спора...

– Прекрати, Роллэ! Пожалуйста. Ты несправедлив, твоё предубеждение ранит меня... ты знаешь, я никогда...

– Да, ты не использовал своего положения, чтобы заставить меня замолчать. Я ценю твоё отношение, Фереальв. Прости, если слова мои чем-то тебя задела. Просто... слишком уж велика разница в нашем положении. Ты – Наблюдающий и совсем скоро займёшь подобающее тебе место среди Мудрых. Я же, напротив, лишён всех отличий, права учить, права...

– Роллэ, Мудрые не согласились с твоими выкладками. У них, если ты забыл, имелись доказательства, и даже ты сам признал их вескими. Да, тебе пришлось оставить учеников, покинуть столицу, но никто не зажимал тебе рот, когда ты метался от Башни к Башне, никто не запрещал тебе делиться опасениями с друзьями. И разве то, что ты здесь, на одном корабле со мной, – не лучшее доказательство справедливости Мудрых?

– Я не осуждаю Мудрых, Фереальв. Горечь, полнящая мои слова, – от тревоги за Смарагд, не за себя. Ты знаешь, я считаю – Мудрые слишком увлеклись магической эквилибристикой, за изяществом схем и уравнений не видя...

– Но схемы и уравнения как раз и необходимы, чтобы осознать происходящее. Без них картина мира станет хаосом. Наша «эквилибристика», как ты выразился, основана на некоторых непреложных фактах. И с этим не споришь даже ты.

– Верно, не спорю. Я признаю, что дважды два – это четыре, а не пять. Но затем всё становится далеко не столь однозначным. Мы разыскиваем бежавшего, мы озираемся в надежде заметить и её где-то поблизости – а у меня всё крепнет и крепнет уверенность, что дело не в этих несчастных, отмеченных печатью рока. Мудрые велели мне отыскать самовольно покинувшего Смарагд, и я делаю это, но атрибутировать ему то, что считают в Башне Затмений...

– Роллэ, Мудрые полагают тебя наилучшим, непревзойдённым Разыскивающим. Они закрыли глаза на твою дерзость, непочтительность и, буду откровенен, прямую грубость. Потому что Смарагду сейчас нужны твои и именно твои таланты. Я могу лишь помочь. Давай не будем длить сей бессмысленный спор. Ты не убедил меня, ты не сказал ничего нового.

– Фереальв, я признаю, система моих доказательств не столь отточена и убедительна, как великолепные конструкции Мудрых. Но разве там, в Облачном Лесу, ты не усомнился?

– В чём? Роллэ, ты указал на Облачный Лес как местопребывание беглеца, и я...

– Я не о том. В Облачном Лесу я ошибся. Вина моя и только моя, тебе нет нужды напоминать мне об этом, и Мудрым я расскажу о ней сам. Однако эта ошибка, ошибка в том, что столько веков почиталось незыблемой, неоспоримой формулой, разве не говорит это о том, что в мире стали работать какие-то совсем иные силы? Что всё заметнее становятся совсем иные законы, коим теперь подчиняется магия? Ты понимаешь, о чём я, Фереальв? Моя ошибка...

Пауза.

– Да, понимаю. Но иного выхода у нас нет. Только идти по следу беглеца, надеясь, что Мудрые правы и что *она* окажется где-то поблизости.

Зелёный корабль, сам, безо всякой нужды в команде, входил в плавный, широкий поворот. Его нос клонился всё больше к востоку, туда, где темнело недалёное побережье Вольных городов.

Глава 1

(За год до событий первой книги)

Яростный, иступлённый лай, переходящий в режущий уши визг. Псы-*шерно* захлёбываются, мчатся по свежему следу. Но на сей раз они преследуют совсем не матёрого клыкача, грозу здешних стад. И даже не беглого серфа с рудников.

Аспидно-чёрный скакун-*гайто* почти летит, едва касаясь копытами земли. Всадник припал к круто изогнутой шее, одной рукой судорожно вцепившись в поводья, а другой прикрываясь от хлещущих по лицу ветвей. Наездник не правит, лишь старается удержаться в седле; жеребец же мчится без дороги, проламываясь сквозь густой подлесок.

Над холмами замерла опрокинутая чаша бездонного неба. Отражения вечных звёзд – капелек росы, зависших над листьями Великого Древа, – уже поблёлкли, предвещая скорый рассвет. Закатилась первая из Гончих, её серебристая сестра отстала, как и всегда, проливая жемчужные лучи на колышущийся под свежим ночным ветром густой лес. Нет и не будет равнодушным небесным сёстрам дела до бед и тревог раскинувшегося под ними Листа.

Ближе и ближе лай – всадник не понукает скакуна, тот мчится по собственной воле, вспомнив, наверное, древний ужас его диких сородичей перед стаями зубастых преследователей.

Дорога – вернее, её отсутствие – идёт под уклон. Скоро конец чащобам, недалёк и берег озера Эве. Мрачный и древний Деркоор, родовое гнездо владетелей Деррано, остался далеко позади, в лесистых предгорьях Реарского хребта.

«Скорее же, скакун, милый мой, хороший, – скорее, умоляю!»

Жеребец с ходу перемахнул неглубокий старый ров, заросший и оплывший, – между кон-границу владений двух родов – Деррано и Берлеа, хозяев замка Берлекоор. Здесь кое-где ещё можно встретить полусгнившие палисады и частоколы, поставленные в ту пору, когда шатался королевский трон в Симэ, а сеноры-владетели так и норовили по-своему перекроить карту страны. Те времена давно минули, престол содержит внушительную дружину наёмных войск, всегда готовых в зародыше прикончить любую смуту.

Но рубеж не спасёт всадника на чёрном жеребце и не защитит. Это охотиться нельзя на землях соседа без его разрешения – а преследовать нарушившего закон очень даже можно.

Лай. Лай. Лай. Рвущий слух вой, и справа, и слева. Сеноры Деррано славятся псарнями и отборными гончими, за щенками присылают со всех концов королевства и не только – приезжают и из Меодора, и из Доарна.

Дальше, дальше, пока не падёт измученный скакун; и тогда – сперва разрядить в преследователей маленький двойной самострел, захватить с собой хотя бы пару из них, а потом... потом главное – избежать соблазна, не схватиться за тесак в наивной надежде отбиться от двух десятков опытных воинов и охотников за беглыми. Успеть сорвать с шеи наглухо запечатанную смолой глиняную бутылочку на волосяной плетёнке. Сунуть в рот. Зажмуриться. И – раскусить...

«Нет, не дамся им. Ни за что. Лучше уж так.

Маменька знала, что делала, когда надела это на шею».

После рва лес кончился, потянулись поля, луговины, по левую руку должно лежать озеро; здесь угодня серфов-рыбарей, разбитые ими для облегчения податного ярма.

Жеребец хрипит, начинает задыхаться. Всадник успел оторваться от верховой погони, преследователи часто меняли скакунов, поневоле отставая – с этим гайто, жемчужиной и гордостью конюшен сенора Деррано, не сравнится никто.

По лицу наездника катятся злые слёзы.

«Ну почему всё так глупо, почему, Семь Зверей, почему? Не спрашиваю, за что вы от меня отвернулись, вы давно уже не смотрите на свой мир; Ому же Прокреатору до таких, как я, дела и вовсе нет».

Никем не понукаемый, жеребец берёт правее, отдаляясь от берега – прямо к скоплению негустых рощиц, покрывших старые оплывшие холмы. Ещё правее лежит торный тракт, соединяющий Деркоор через приречный городок Фьёф с замком рода Берлеа – нам туда совсем не надо, скакун, на дороге ещё скорее угодишь в руки охотников!

Жеребец словно слышит этот безмолвный крик – и стрелой несётся прямо, к рощицам.

На что ты рассчитываешь, мой верный, если нам не удалось уйти от погони в оставшихся позади чащах?

Вот мелькнули первые деревья, подножия окутаны кустами, словно густым дымом. Ночь стоит на страже, сберегая покой своих детей, и скакун вдруг замирает, взрывая раздвоенными копытами неподатливую землю.

– Ты чего? – обливаясь слезами, шепчет всадник, скатившись с седла.

Скакун лишь безмолвно опускается на колени, ложится, вытянув шею.

Наездник машинально поднимает арбалет, с явной натугой взводит обе тетивы, оглядывается.

Предрассветные сумерки ненадолго сгущаются – незримая рука ветров задёрнула отставшую Гончую плотным серым занавесом. Невесть откуда наползают тучи, и ночь словно бы возвращается. Во мраке смутно угадывается круг из семи покосившихся камней, венчавших холм, словно корона.

Всадник лихорадочно бормочет какие-то слова – безмолвные гранитные глыбы, похоже, пугают его не меньше преследователей.

– Это ты меня сюда примчал? Сюда? – Слёзы текут всё обильнее, в глазах расплывается, и кажется уже, что древние зубья земли сами собой пошатываются, норovia выкопаться, выбраться на поверхность...

– Зачем?.. Тут же просто старое капище... мёртвое... тут слуги Зверей давным-давно своих хоронили... – беспорядочно бормочет всадник, прижимаясь к тёплому боку жеребца.

Лай совсем близко. Свора частым гребнем прочёсывает негустой подлесок, они уже у подножия холма; дрожащие руки поднимают арбалет. Всадник вдруг понимает, что охотников можно и не дожидаться, свирепые псы всё сделают сами.

Живот скрутило жестокой судорогой, пальцы дрожат, стальной дротик едва не выпадает из бороздки самострела.

Свора мчится по склону, захлёбываясь злобой и брехом.

В небесах коротко и зло взывает ветер, словно разом завопили корчащиеся в муках воздушные духи, стиснутые жестоким закливанием; тучи точно проседают, их невесомые тела будто наливаются вдруг неведомой тяжестью. И она, эта тяжесть, тащит их вниз, к земле; жалобно скрипят, клонясь под налетевшим порывом, окружавшие холм деревья.

И даже немые камни, семь торчащих стоймя зубов похороненного под холмом чудовища, издают нечто похожее на стон.

Всадник, прижавшись щекой к отполированному ложу из драгоценного красного дерева, прицеливается, затаив дыхание, как учили, – и нажимает на спуск.

Пёс в шипованном ошейнике летит прямо на скорчившегося беглеца, арбалетный болт не может разминуться с целью, однако зубастая тварь не падает, не бьётся в судорогах; железная стрелка просвистела мимо, сгнув где-то в сумерках.

Всадник только и успеваает, что всхлипнуть да уронить лицо в ладони.

Прыжок – гончак взмывает над преградившим дорогу камнем, оттолкнувшись могучими лапами, перелетает застывшего беглеца и, не обращая на прижавшуюся к земле фигурку никакого внимания, мчится дальше.

Следом – вся свора.

Ничего не понимающий наездник чуть приподнимается, ошарашенно глядя вслед скрывшемуся в зарослях псу.

Всё стихло в небесах, лишь вершины игольчатых раскидников ещё покачиваются. Мёртво застыли семь камней; так и стоять им крэгом до скончания времён.

Чёрный скакун лежит недвижно; всадник, повинувшись инстинкту, снова прижимается к земле – потому что уже наплывает топот отборных охотничьих гайто, стремительных и неутомимых, мало в чём уступающих вороному. На спинах жеребцов – преследователи. Псы могли не заметить... а люди?

И беглец не шевелится. Он почти перестаёт дышать, даже не озаботившись перезарядить самострел.

Кавалькада приближается, мелькают широкие плащи, богатое шитьё на полах отливает в бледном свете проглянувших Гончих. Повсюду гордые гербы рода Деррано – дракон, обвивший гору: на плащах, на сбруе, на отворотах сапог, даже на пустых сейчас ножнах, всадники несутся с обнажёнными клинками.

Отряд разделяется, обтекая холм слева и справа. Свора ушла вперёд, нечего мешкать!

От тяжкого скока гайто дрожит земля, словно тоже охваченная страхом. И прижавшийся к ней человек неосознанно шепчет ей: «Не бойся...», словно и впрямь в надежде успокоить и защитить.

Пронеслась погоня, мало-помалу стихают вдали и вой стаи, и топот скакунов. Чёрный жеребец поднимается, властно, по-хозяйски, толкает мордой сжавшегося на земле всадника – вставай, мол, горе-наездник. Хватит труса праздновать.

Беглец поднимает голову – неуверенно, с опаской, что ему всё это пригрезилось, что преследователи вот-вот повернут назад, – но нет, светлеет край неба, закатываются Гончие, а охотники сгнули где-то вдалеке.

Оживают, просыпаются дневные птахи, ночной зверь крадётся обратно в логово. Запели кочеты в деревнях вдоль озёрных берегов и дальше, в окрестностях Фьёфа, серфы и свободные общинники сейчас заворочались в постелях, расставаясь со сном, – им всем предстоит долгий день, полный трудов и забот.

Чёрный жеребец вновь толкает мордой всё ещё лежавшего наездника, и тот, пошатываясь, поднимается. Руки и ноги трясутся, пальцы едва удерживают самострел. Вороной терпеливо ждёт, пока человек взберётся в седло и возьмётся за поводья.

Путь теперь один – на север, к широкой, полноводной Долье. У неё немного притоков, и все они – мелкие небольшие речушки; но пики Реарских гор собирали так много снега, ледники ползли вниз так быстро и так обильно таяли, что по Долье большие морские корабли могли подниматься до самого Последнего моста, соединявшего земли сеноров Соллири с владениями Меодорского королевства.

Разумеется, Соллири уже оповещены. Или... нет? Станут гордые, заносчивые Деррано выносить сор из собственного замка? Неужто расскажут соперникам-насмешникам обо всём, случившемся этой ночью?

Нет, не расскажут. Умрут, но не проронят ни слова. И с лёгкостью отрубят головы тем, кто распушит языки. Скорее отправят туда своих – инкогнито.

Да, беглеца никто не приютит. Ни один из семи кланов Долье. Защиты можно искать разве что в Симэ, у короля, – или бежать прочь, домой, в Меодор.

Деррано, конечно же, перевернут небо и землю, чтобы взять сбежавшего живьём. Как следует поступить знатному сенору, у кого из-под... гм... носа сбежал... гм... такой вот вольнодумец?

Погоня – это понятно. Тут соседям ничего не надо объяснять. «Серф нанёс оскорбление господину, похитив скакуна из сенорского стойла, и скрылся». Все поймут, и никто не задаст лишних вопросов. Это частное дело клана Деррано, пусть даже им и пришлось забраться на чужие земли. Если подобное случится у сеноров Берлеа, они смогут точно так же, без спросу и уведомления, пересечь рубеж владений замка Деркоор.

Понятно, что Деррано пошлют верных людей ко всем переправам. Особенно – к Последнему мосту; но через Долье перевезёт любой лодочник, в любой рыбацкой деревеньке. Если же беглец не захочет расставаться с вороным – что ж, на реке хватает паромов с цепями, проложенными по дну, – чтобы могли пройти глубоко сидящие купеческие суда. Ближайший – во Фьёфе, но есть и в устье Эве, притока Долье, вытекавшего из одноимённого озера, есть чуть дальше на восток, рядом с Берлекоором...

От этих размышлений беглец чуть приободрился, позволил себе даже лёгкую улыбку. Не всё так плохо и безнадежно, отнюдь не всё. Погоня ушла далеко на восход, пока неудачливые загонщики разберутся, что к чему, пока вернутся обратно, пока получат новые распоряжения... едва ли молодой сенор Байгли Деррано осмелится что-то предпринять на чужих землях без ведома отца.

А это значит – едем вверх по Долье, огибая с севера озеро Эве; на уже упоминавшемся пароме в устье одноимённой речушки и переправимся.

Всадник ласково потрепал скакуна по шее.

– Ты меня спас, вороной. Неужто я теперь тебя брошу?

Гайто коротко заржал, словно соглашаясь.

Кинув последний взгляд на неподвижно застывший каменный круг, обозначавший старое место поклонения Семи Зверям, беглец трогает поводья.

Солнце поднимается над краем мира, первые лучи освещают наездника на вороном скакуне: тоненькую невысокую девушку в бархатном берете, наверняка скрывавшем пышные косы. Чёрная куртка воловьей кожи, просторные и бесформенные порты, схваченные на талии широким поясом, увешанным какими-то сумочками, тесак на правом бедре, за плечами – жёсткий саадак для самострела.

Беглянка казалась неплохо подготовившейся к рискованному предприятию.

Вороной скакун нетерпеливо переступил с ноги на ногу, дожидаясь команды; дождался, вскидывает голову и срывается с места.

Впереди почти день скачки.

* * *

– Мы её упустили, братец. – Дигвил Деррано, старший сын сенора Деррано, владельца замка Деркоор, осадил скакуна и поднёс к губам рог, созывая пристыженную свору. Первоклассные гончие внезапно потеряли след среди чистого поля, и все усилия псарей с ловчими ни к чему не привели.

Молодой Байгли Деррано, младший брат Дигвила, только скривился, зло хлопая плетью по голенищу сапога.

– А всё потому, что твои, гм, постельные пристрастия, мой дорогой... – продолжал читать нотацию старший, и Байгли не выдержал.

– Это тебя не касается! – заорал он, привставая в стременах. – Понятно, нет?

Дигвил сощурился, и взгляд его не предвещал младшему брату ничего хорошего.

– Я при челяди с тобой ссориться не стану, – бросил он вполголоса, но так, что сердце у Байгли тотчас ушло в пятки. – Продолжим беседу дома. В палестре. Отделаю тебя так, что неделю встать не сможешь, молодожён хренов. И только попробуй отказаться.

– Всё маменьке скажу, – пробурчал Байгли.

Он не уступал брату ростом, но был куда шире его в талии. Стройный и подтянутый Дигвил, казалось состоявший из одних мышц, смотрел на младшего с нескрываемой насмешкой.

– Пожалуйся, конечно. И маменька тебе ничего не скажет... по поводу того, как следует, а как не следует обращаться с молодой женой в первую брачную ночь. Но вот за то, что она у тебя сбежала... думаешь, папенька по головке погладит? Сомневаюсь, скорее велит по старой памяти прописать тебе полсотни горячих.

– Она моя жена. Что хочу с ней, то и делаю, – отворачиваясь, проворчал младший Деррано, уже понимая, что брат, как ни противно, опять кругом прав.

– Верно. Делай что хочешь, – кивнул Дигвил. – Хоть засеки розгами насмерть, мне-то что? Но так, чтобы, Семь Зверей тебе в глотку... – Старший брат сгрёб младшего за грудки, притянул к себе, прошипел прямо в лицо, обдавая брызгами слюны: – Но так, чтобы тебя, ублюдка, никто бы в том не уличил! Чтобы всё осталось шито-крыто! Как раньше, когда ты развлекался не только с рабынями или простолюдинками, но воровал порой даже девиц благородного сословия из того же Меодора! А теперь?! Ты хоть понимаешь, что будет теперь?!

– А-а что такого-то, ничего и не будет, – забормотал Байгли, даже не пытаясь утереть лицо или вырваться из хватки брата. С гайто бы не свалиться. Мало ему позора с беглянкой...

– Меодор, – вкрадчиво проговорил Дигвил, – конечно, страна варварская. Утончённых постельных развлечений сенора... или, вернее, пока что просто дона Байгли Деррано там могут и не понять. А ты забыл, как эта девчонка попала к нам в замок? Почему отец взял её на воспитание? Забыл, чья она дочка? Пусть шестая по старшинству, пусть её торопились сбить с рук, но тем не менее? Забыл, а? Отвечай, толстобрюх!

– Не забыл, – буркнул младший брат, не поднимая глаз и даже не заметив презрительного детского прозвища, из-за которого раньше, не раздумывая, бросался в драку.

– Не похоже, чтобы помнил, – скривился Дигвил, резко оттолкнув Байгли. – Род владельцев Венти богат, знатен, на короткой ноге с ближайшим окружением престола в Меодоре. Благодаря многочисленным династическим бракам... хотя что я, ты небось и слова «династический»-то не знаешь.

Байгли хлюпнул носом.

– Если доньята объявится в родном замке, покажет следы плетей и прочих... приспособлений, кои использовал на ней мой неразумный братец, нам несдобровать, – втолковывал младшему Дигвил. – И потому...

– Да что они нам сделать-то могут? – Байгли ещё пытался хорохориться. – Где мы и где тот самый Венти! Они что, на нас войной пойдут? Небось далеко не утопают!

– Болван, – вновь взъярился старший Деррано, быстро оглядываясь – псари уже собрали свору, взяв гончих на поводки. Можно было трогаться. – Они обратятся с жалобой – прямо в Симэ, а заодно и к своему королю. Напишут приватное письмо бра-дону Фрамаццо, генеральному стряпчему. Или ты забыл, что его младший брат женат на родной тётке твоей сбежавшей наречённой?! Или ты думаешь, отец совсем ничего не соображал, когда принимал Алиедору в воспитанницы или же выдавал за тебя замуж?!

Байгли не нашёлся, что ответить.

– Как есть болван, – вздохнул Дигвил. – Ладно, хватит стоять. Пора возвращаться. Мэтра Бравикуса мы с собой, к несчастью, не взяли... может, он и отыскал бы след. И уж, во всяком случае, нам не пришлось бы тратить время на возвращение.

– Она ведь успеет удрать, верно? – уныло осведомился Байгли.

Старший коротко кивнул.

– Конечно. Долье – река широкая, но перебраться девчонка сможет во многих местах. Особенно если бросит вороного. Но его она, думаю, не оставит.

– Двинется к Последнему мосту? – рискнул предположить неудачливый муж.

– Дурачина. Нет, конечно. Мост мы успеем перехватить. Скорее всего, воспользуется паромом или во Фьёфе, или в устье Эве. До Фьёфа ближе всего... гм... дай подумать... так, вот что, братец. Скачи-ка во весь опор домой. Расскажешь отцу во всех деталях, как мы гнались за твоей жёнущкой и как она улизула. А я возьму троих, и мы проедемся... вдоль нашей прекрасной Долье. Заглянем во Фьёф, поспрашиваем...

– А может, она повернула как раз к парому на Эве?

– Может быть. Но вряд ли – до Фьёфа дорога торная, там хватает приезжих с меодорской стороны, легко затеряться... – Тонкое лицо молодого Деррано вдруг исказилось, зубы оскалились. – Она не должна добраться до Венти, братец. Иначе конец нашему доброму имени. Да, да, тебе это пустой звук, мой дорогой; и какое же счастье, что не ты унаследуешь сенорство!

Байгли зло зашипел, но старший брат не обратил на это никакого внимания. Только махнул рукой, подзывая к себе ловчих, и четверо всадников помчались дальше на северо-восток, к проходившему там торному тракту, соединявшему Деркоор с твердыней клана Берлеа.

Младшему Деррано ничего не оставалось, как выполнить распоряжение старшего. Кавалькада уныло потащилась в сторону Деркоора.

* * *

Доньята Алиедора Венти, уже было ставшая доньей Алиедорой Байгли Деррано, всё подгоняла и подгоняла своего вороного. Чёрные как смоль волосы так и норовили выбиться из-под берета, и всаднице то и дело приходилось со злостью запихивать обратно трепещущие на ветру пряди.

Вокруг расстились знакомые места – доньята прожила в замке Деркоор достаточно долго. Солнце поднималось всё выше, лёгкий ветерок тянул с недалних гор, нёс на невесомых крыльях ароматы карабкающихся по склонам лесов, расцветающего горьколиста, пряного кудрявника. Вороной шёл широкой нетряской рысью. Знатная доньята, отпрыск благородного рода, едва заметно кивала в ответ на низкие поклоны попадавших навстречу серфов. Она не пряталась – погоня давно отстала, до границы недалеко, а в родной Меодор никакие Деррано полезть не осмелятся.

Только теперь она смогла задуматься о случившемся на холме. Почему свора её не заметила? Почему злющие псы пророскочили мимо?

Конечно, ответ напрашивался сам собой. Капище Семи Зверей – их воля и защитила.

Но семь великих правителей мира, восседавшие на небесных престолах, давно не являли своей воли. Ничего не могли добиться жрецы и заклинатели, шаманы и колдуны – Звери не отвечали на зов. Это знали все, от мала до велика. Об этом твердили законники и хронисты, летописатели и составители наставительных сводов для девиц благородного происхождения. Говорили нянюшки и воспитательницы. Говорили все.

На смену семи уснувшим (или ушедшим, или даже погибшим) Зверям явился новый бог. Единый бог. Простолюдины знали Его под множеством имён и обличей, но знати, прошедшей посвящение в мистериях, открыто было истинное имя – Ом. Ему возводили величественные храмы, увенчанные Его священным символом – восьмиконечной звездой с глазом в середине. Восемь лучей означали восемь стихий и первоначал – землю, воду, огонь, воздух, движение, желание, мысль и чувство.

И вот старое капище спасло её, Алиедору, спасло от верной гибели и того, что, быть может, даже горше смерти.

Какой же отсюда следует вывод, как наставительно сказал бы мэтр Диджорно, придворный маг, астролог, алхимик и, по совместительству, – домашний учитель молодой поросли знатного рода Венти?

Первый, самый приятный, состоял, разумеется, в следующем: старые боги живы, они не спят и избрали её, доньяту Алиедору, провозвестницей своего скорого возвращения. А как ещё это можно объяснить? Уж она-то, прожившая не один год в Деркооре, знала, на что способны его псаря и выращенные ими своры. Не упустили бы, не потеряли бы след. Да и ловчие тоже... в конце концов, она скакала не утоптанном трактом, где не оставляет отпечатка даже тяжёлое двуострое копыто породистого скакуна-гайто, но мягкими луговинами, то вдоль многочисленных ручьёв, то через них. Однако не увидели, не разглядели, проморгали, пронесли, проскочили! Отвели им глаза, да так, что она, доньята Алиедора, того и гляди без помех доберётся сперва до парома, а там... Да что говорить, левый, меодорский берег Долье – уже спасение.

Но Семь Зверей, Семь Зверей! Ожили, увидели, откликнулись!

Во время бегства доньята не молила Ома о спасении. Может, оттого, что уж очень строгим предстал он в писаниях своих пророков. Мол, и старые боги – совсем не боги, а злые демоны, и не сожрали они весь мир только оттого, что стерегли его, дабы достался он на пир неведомым демонским властителям, Шхару и Жрингре, целым, непорочным и девственным.

Как весь мир может оказаться «девственным», Алиедора понимала не слишком. Нет, в своё время она даже заучила ответ, и фра Шломини остался доволен – но сейчас заковыристое и головоломное доказательство начисто вылетело из памяти.

Молодая доньята никогда не заморачивалась богословскими вопросами. И сейчас лишь беспомощно барахталась на поверхности тёмного моря неожиданных, со всех сторон нахлынувших мыслей.

Если фра Шломини, фра-супреме Дельгьяцци и прочие, носящие белые с золотом одежды, украшенные восьмиконечной звездой с глазом, – если они правы и Звери действительно просто сторожевые псы, не добрые и не злые, чей долг – просто охранять порученное?

«Почему я об этом не думала раньше?» – раскаивалась Алиедора. Звери – Зверьми. Ом есть Ом, господин всего живого и мёртвого. Так её учили. А сейчас, стоило ей спастись...

Откуда она знает, что её спас не всемогущий Ом-Вседержитель? Если всё – в Его власти, так, наверное, он может распоряжаться и на заброшенном капище?

Голова кругом идёт. От всего случившегося, от мыслей этих, будь они неладны... Ещё позавчера она, доньята Алиедора, готова была стать младшей доньей Деррано, не без удовольствия перебирала подарки свёкра и деверя, примеряла платье и жалела, что её не увидят подружки из родового замка Венти – вот уж точно полопались бы от зависти! Байгли, конечно, был женихом... м-м-м... завидным, но только с одной стороны. Род, знатность, богатство – всё при нём. Остротой ума его Ом, правда, не наделил – ну так знатному дону (а в будущем – бра-дону, если, конечно, судьба не повернётся иначе и Байгли не сделается сенором Деррано вместо старшего брата) особого ума и не требуется. Иначе зачем ему послана ловкая и сообразительная жена?

Да и вообще, Байгли не казался злодеем. Толстоватый, неуклюжий – он ничуть не походил на стройного и подтянутого Дигвила, отличного мечника и превосходного наездника. Да, старший Деррано стал бы отличной партией... не окажись он уже женат.

Против самого брака Алиедора ничего не имела. У всех было так. Её мать тоже приехала воспитанницей в замок Венти и тоже долго плакала в подушку, едва познакомившись с

будущим женихом. Однако же стерпелось, слюбилось, и благородная донья Самалли одного за другим родила мужу десятерых детей, кроме Алиедоры ещё шестерых дочек и троих сыновей. И ничего. Отец их любил и баловал, жизнь в замке Венти текла беззаботная и счастливая... и даже в Деркооре, куда более мрачном, поначалу Алиедоре тоже нравилось. Неуклюжий Байгли мог насмешить, мог притащить лишний кусок пирога с кухни, мог покорно сопровождать благородную доньяту в неблизких поездках по окрестностям замка...

И всё это рухнуло – уже после того, как Алиедора готова была, как подобает настоящей жене, исполнить в супружеской постели всё, дабы её мужчина встал бы с их ложа, не помышляя о других женщинах.

«Так, всё, об этом не думаем, – приказала она себе. Рубцы от плети на спине ещё саднили. – Этого не было, – повторила она. – Я расскажу только один раз – папе и маме. И больше никому, никогда».

О том, что случится, когда она доберётся до дому, Алиедора не гадала. Главное – очутиться в Меодоре. А там всё пойдёт уже как по маслу.

* * *

Дигвил Деррано и трое ловчих, запыхлённые и усталые, подскакали к стенам Фьёфа вечером того же дня. Скакунов не жалели, и те не пали лишь потому, что предусмотрительный наследник Деркоора велел захватить с собой заводных.

Всадников, разумеется, узнали. В маленьком городишке прятать лица под широкополыми шляпами – куда более верный способ помочь вестям разнестись подальше, чем открытый визит старшего отпрыска соседнего сенора. Дигвил ехал не таясь и не пряча фамильного герба.

Одноэтажные домишки под соломенными крышами, неизменные куры вдоль обочин и саловики в дорожной грязи, равно как и чумазные ребятишки. Дигвил обращал на это куда меньше внимания, чем на докучавшую ему муху, упрямо желавшую совершить торжественный променад по Фьёфу, удобно устроившись прямо на носу благородного дона.

Знакомый десятник в цветах рода Берлеа, с ярким и безвкусным, на взгляд Дигвила, гербом – синяя змея, поднявшая голову над водами огненной реки, – низко кланялся благородным господам, всячески выражая готовность услужить. Ну, и заработать полушку, конечно.

Дигвил остановился, скучающе-равнодушно поинтересовался у стражника, как дела. Это допускалось кодексом, даже поощрялось – достойно истинно благородного человека преклонять порою слух к словам ничтожных простолюдинов.

– А вот на торги тут к вам вороного такого приметного сегодня не проводили? Нет? Я прослышал, мол, будет сегодня в гайтских рядах нечто небывалое, на что и поглядеть есть смысл. Жаль только, узнал я поздно, только к вечеру сюда и успел.

Стражник аж наморщил лоб в тщетных усилиях вспомнить – получить монетку ему очень хотелось.

– Никак нет, благородный господин, нет, дон Деррано, не проводили. У меня на вороных глаз наметанный, знаю, что вы их любите. Я, как такого встречу, сразу себя спрашиваю – а не подошёл бы ты, красавец, нашему доброму соседу, благородному дону Дигвилу? Нет, не проводили. Ни в поводу, ни верхами. Ничего достойного, ваша светлость.

Десятник безбожно льстил молодому дворянину – «светлостью» полагалось именовать только сенора, то есть главу соответствующего дома.

Дигвил молча кивнул, бросил стражнику вожделенную полушку – тот поймал её на лету с лёгкостью, свидетельствовавшей о немалой практике, – и тронул скакуна.

Осторожные расспросы у парома тоже ничего не дали. Никто не видел приметного аспидно-чёрного жеребца-гайто – а не заметить такого зверя было невозможно.

Не минул ещё и час Левиафана – по старому счёту, сохранившемуся с древнейших времён, – не успели сгуститься сумерки, а Дигвил Деррано и три его спутника уже во весь опор неслись вдоль берега Долье, туда, на запад, где в устье речушки по имени Эве имелся второй в здешних краях паром.

Наследник Деркоора глядел мрачно. И не только оттого, что ошибся, пытаясь угадать намерения беглянки; Дигвилу очень не нравилось то, *как* именно возмутительница спокойствия смогла стряхнуть погоню с плеч.

Если бы и впрямь очень выносливый, злой, сильный скакун просто оторвался бы каким-то чудом от преследователей, Алиедоре было б некуда деваться, кроме Фьёфа с его паромом. Всадница ни за что не расстанется со скакуном, в этом Дигвил не сомневался, он достаточно хорошо знал несостоявшуюся невестку. Она не станет искать лодку – что в её положении стало бы наиболее разумным; но когда, скажите, женщины поступали разумно? Сбежала, понимаешь, не захотев чуток потерпеть! Ну всыпал бы ей Байгли розгами по мягкому месту, ничего страшного – можно подумать, в детстве её мать не порола! Ан нет, свела лучшего скакуна, сбежала, огрев при этом своего горе-мужа кочергой. И что теперь прикажете делать?

Его, Дигвила, люди станут молчать – крутой нрав молодого господина им известен. Но теперь беглянка, похоже, ускользнёт-таки в Меодор... и что тогда?

«И как же, в конце-то концов, ей удалось от нас оторваться? Когда? Если её не оказалось во Фьёфе – куда она свернула? И почему мы не заметили? Почему псы до последнего летели так, словно по горячему следу, и брехали – мол, вот-вот нагоним? С ними-то что произошло? От этой своры ни один зверь не уходил».

Магия, услужливо приходил ответ. Самая обыкновенная магия. Девчонке кто-то помог. Кто-то, распоряжающийся немалыми силами. И от этого Дигвилу становилось не то что не по себе, он весь леденел.

Первый закон дознания – подозревавай всех. Второй закон – не пытайся навесить на того, кому труднее всех оправдаться. Конечно, само слово «магия» заставляло прежде всего вспомнить о многознающем мэтре Бравикусе. Вспоминая поговорку об имеющих обыкновение водиться в тихом омуте, Дигвил, конечно, подумал бы на него. Мастером сработанный оберег вполне может сбить с толку и не таких преследователей; но чтобы Бравикус пошёл бы на *такое*? Слишком любит мэтр маленькие житейские радости, слишком дорожит своим местом.

Возможно? Да.

Вероятно? Нет.

Могла ли Алиедора привезти такую вещицу с собой из родного Венти? Опять же, возможно? Да. Вероятно? Нет. Но поговорить – и основательно поговорить! – с мэтром Бравикусом придётся.

А сейчас... Что делать сейчас?

Дигвил сощурился, глядя на закатное солнце. Удивительно, как такая простая вещь сразу не пришла ему в голову.

Он сам отправится в замок Венти. С двумя верными людьми. Третий вернётся с донесением к отцу.

И переправятся через Долье они прямо здесь, во Фьёфе.

Конечно, Меодор – это совсем не то, что владения соседей Берлеа. Придётся или отвечать на всяческие неприятные вопросы, или кружить лесами, обходя заставы на дорогах. Стараниями меодорского престола таких застав в последнее время развелось видимо-неви-

димо – король громогласно пообещал покончить с разбойничками, от века собиравшими дань вдоль трактов.

Вскоре Дигвил с двумя спутниками уже стоял на досках старого парома, и четверо дюжих молодцов что было сил крутили колесо лебёдки.

Левый, меодорский берег Долье медленно приближался.

Глава 2

Ещё немного, и она окажется дома. И всё наладится само собой. Конечно, батюшка с матушкой её так называемому мужу не вернут – достаточно показать следы порки. Она снова сядет на своё место за огромным круглым столом, соберутся братья и сёстры, прислуга внесёт поднос с пирогами, испечёнными старой кухаркой; а потом Алиедора заснёт в своей постели, задёрнув кисейный полог.

На меодорском берегу она не только не скрывалась, но даже и не торопилась. Деррано, Берлеа и прочие сеноры Долье, как и сам их король, остались за рекой. На земли её, Алиедоры, родной страны они сунуться не посмеют.

Могучий гайто шёл шагом, гордо вскинув точёную голову. Дорога предстояла неблизкая, и силы скакуна стоило поберечь. Стража у паромной пристани в королевских цветах Меодора – красном и жёлтом – спросила её имя. Алиедора назвалась, заплатила пошлину и теперь могла невозбранно вдыхать родной воздух и осматриваться по сторонам, ведь последние четыре года она прожила «воспитанницей» в Деркооре и ни разу не ступала на левобережье Долье.

Утром задуло с Реарского хребта, потянуло прохладой. Ветер перевалил через бело-снежные вершины и устремился вниз, к долинам. Исполинская горная цепь вонзала острия пиков в брюхо распластавшегося облачного зверя, жадно притягивая и собирая застывшую воду для своих ледяных корон. Словно волны от брошенного камня, от самих гор к морю Тысячи Бухт сбегали плавные, сглаженные временем и дождями гряды холмов, где угрюмо сдвинули ряды, словно готовое к бою войско, рощи длиннохвойных елей.

От паромной пристани на север убегала торная дорога, сейчас полная народа. Торопились рыбаки с корзинами свежего улова, озабоченно считали тюки и выючных тягунов купцы, пришедшие из Долье, хватало и мастерового люда – на юге, за рекой, было больше работы, и платили за неё лучше.

Алиедоре кланялись, заранее снимали шапки. Доньята, как и велел кодекс, отвечала на приветствия простолюдинов кивками.

Как же легко дышится, как же весело веет в лицо ветер! Какой смешной щенок у этого купчины, как залиvisto играет дудочник, сидящий в большой телеге, – не иначе, как бродячие музыканты. Алиедоре хотелось, словно девчонке, прыгать и визжать, хлопая в ладоши, – всё хорошо, всё хорошо, она вырвалась, она убежала, и она теперь дома, в Меодоре! Тут ведь всё по-иному, не так, как в этом Долье, где мужья в первую брачную ночь норовят привязать молодую жену к кровати, до крови избивая плетью...

И хорошо, что дело ограничилось только плетью. Байгли успел повертеть у Алиедоры перед глазами куда более пугающими инструментами.

«Нет, нет, я про это не буду думать. Всё, никакие байгли и дигвилы меня теперь не достанут... ишь ты, какая юбка у этой дамы, как расшита – и не боится попортить на такой дороге!»

Доньяту обогнала небольшая кавалькада – мальчишка-паж, важно державший тонкий и длинный флажок с гербом, двое вооружённых слуг, служанка в высоком чепце и знатная дама, ловко ехавшая боком на жемчужно-серой кобылке. Алиедорин жеребец немедленно фыркнул, гордо вскинув голову перед прекрасной незнакомкой.

Дорожное платье дамы украшали вышивка и кружева – из Доарна, сразу же определила зоркая Алиедора. Позволить себе такое может разве что особа сенорского достоинства, и этикет потребовал от благонравной доньяты низко поклониться, прикладывая правую руку к сердцу. Дама ответила улыбкой и благосклонным кивком – никто не сможет сказать, что род Венти плохо воспитывал своих дочерей!

«Я дома, я в Меодоре! – Доньяте хотелось петь. – Тут всё особенное, не такое, как в этом противном Долье. Тут по дорогам ездят благодетельные и высокородные дамы, ходят умелые и добродетельные мастеровые, пастухи гонят тучные отары...

И солнышко светит тут тоже совершенно по-иному!»

Оставались позади многочисленные, хоть и маленькие, храмы всемогущего Ома; девушка так и не могла решить, кого же благодарить за спасение. Домашний священник сенора Венти, фра Шломини, обладал непревзойдённым даром красноречия: он о благодати и милости великого Ома мог рассказывать бесконечно. Но от простого люда, кухарок и слуганок, поломоек и прачек, от собственной няни Алиедора слышала сказки простые и безыскусные, где Семь Зверей представляли совсем иными.

Свирепыми и жестокими, как зима на побережье моря Тысячи Бухт, – и ласковыми, игривыми, как весенние ветры всё над теми же берегами. Они хранили верность слову и пуще всякого иного преступления карали лживость. «Делай, свершай, – говорили они. – И отвечай за то, что свершаешь».

Они не знали слова «грех». Нет «запретной любви». Любишь – люби. Не смиряя собственных чувств, не загоняй их в клетку – Алиедоре, как девочке, эти истории, не шибко одобряемые маменькой, всегда нравились больше всего. О том, как принцы и принцессы или же лесорубы со швеями – неважно, благородные или простолюдины – шли против всего, потому что любили «запретно». И всякий раз в сказке всё кончалось хорошо, потому что Семь Зверей любят тех, кто идёт наперекор всему, подобно упрямым соснам, пускающимся в рост на голых камнях.

Беглянка сорвала берет, гордо встряхнула смоляными прядями. Смотрите все, я – доньята Алиедора Венти! Я не стала покорною жертвой. «Феникс тебе крылья дал», – ворчала порой старая нянюшка. Она усердно молилась Ому-Вседержителю, но не забывала и старые присловья, дошедшие от её собственной бабушки. Добрая старушка всего-то имела в виду Алиедорину непоседливость, а оно эвон как обернулось-то...

Хорошо, что Алиедора сбежала из Деркоора не голой и босой, а прихватила с собой кошель, полный звонкой монеты. Сейчас она доберётся до ближайшей таверны (ибо в животе бурчит всё громче и всё недовольнее), и там почтительный хозяин поставит перед ней ароматно пахнущий горшок с наваристым супом, отрежет толстый шмат хлеба, на него – такой же по толщине шмат варёного мяса. Еда для простолюдинов, конечно, но сейчас и такому обрадуешься. А потом всё будет чрезвычайно хорошо.

– Эй, любезный! – окликнула она немолодого уже мастерового с коробом инструмента на плече. – Где тут ближайший постоялый двор?

– «Побитая собака», молодая госпожа, в полудне пути будет, на большом тракте, что на Сашэ идёт. – Мастеровой поклонился. – Да только не место это для вашей благородной милости, простите старика.

– Отчего ж? – свысока поинтересовалась Алиедора.

– Дурной народ там собирается. И место само дурное, грязное. Наши туда не ходят, всё больше люд приبلудный, лихой. Послушайте старика, благородная госпожа, от «Побитой собаки» держитесь подальше.

– Благодарю, – ледяным тоном отрезала Алиедора, кинув мастеровому под ноги монетку. Тот едва заметно качнул головой и подбирать не кинулся – совсем не как холопы во Фьёфе или Алете.

Тоже мне, фыркнула про себя Алиедора, несильно хлопнув жеребца по бокам. Простолюдины гордыми быть не могут. Это удел благородного сословия.

...К «Побитой собаке» она добралась в середине дня. Живот протестовал уже так громко, что, казалось, это слышно всем и каждому на тракте. Постоялый двор стоял на отшибе, стены покосились, крыша местами просела, широченное крыльцо с балясинами и

вовсе выглядело так, словно угодило под великанскую палицу. Однако из распахнутых дверей пахло жарким – да так, что Алиедора поняла: она скончается в страшных мучениях, если немедленно не съест хоть кусочек.

Она даже не убрала под берет пышные пряди. От кого ей тут скрываться?

...В «Побитой собаке» было жарко, чадно, нечем дышать. Пылало пламя в огромном, на треть зала, очаге – над ним крутились вертела с насаженными на них тушками. Может, лесные ушаны, а может, и домашние шерстистики – но об этом Алиедора тогда и помыслить не могла.

А старик мастеровой говорил, как оказалось, чистую правду. В трактире собрался отвратный, на взгляд Алиедоры, люд – непохожий на её родных меодорцев. Жуткого вида лохмотья какой-то мешковины соседствовали с обносками некогда богатых камзолов. Запах жареной требухи смешивался с вонью немывтых тел; по засаленным космам кое у кого из посетителей ползали насекомые.

Тут хватало самого разного народа – калеки на костылях, нищие побирушки, непонятно что делающие в трактире, у них ведь нет денег; громилы самого разбойного вида, увешанные оружием, несмотря на действующий королевский запрет носить оное всем неблагородным сословиям, если только они не состоят на службе, скажем, в охране купеческого каравана.

Нельзя сказать, что с появлением Алиедоры в трактире «настала мёртвая тишина»; на неё, конечно же, плотоядно уставились с полдюжины пар глаз, однако к этому она была готова. В конце концов, не девочка, а – почти что! – мужняя жена, знающая, что к чему в настоящей жизни. Пусть себе зыркают.

– Трактирщик!

Содержатель «Побитой собаки» отнюдь не спешил к знатной посетительнице с обязательным «что угодно благородной доньяте?». Отличить его от прочих оборванцев можно было разве что по донельзя грязному фартуку.

– Хозяин? – уже с некой робостью повторила Алиедора.

– Чё натъ? – не поворачивая головы, осведомился тот.

– Жаркого мне и вина, самого лучшего!..

– Чё? – Трактирщик соизволил наконец обернуться и вдруг заржал, показывая пеньки сгнивших зубов. – Вина? Самого лучшего? Буа-га-га! – заревел он, словно Алиедора отмочила невесть какую смешную шутку.

Несколько оборванцев тоже захохотали. А двое громил бандитского вида и вовсе двинулись к девушке с самыми что ни на есть гнусными ухмылками.

Алиедора ощутила, как живот скрутило судорогой. Правая рука легла на рукоять тесака, хотя умом она понимала, что надо уносить ноги. Но скакун её устал, да и она ничего не ела со вчерашнего дня...

– Ка-акая птичка-бабочка! – прогнусил один из громил, подходя вплотную. Другой попытался зайти Алиедоре за спину, и девушка невольно попятилась – прочь, за порог. Однако в плечи ей тотчас вцепились ещё чьи-то руки, резко толкнули обратно, в жаркую духоту трактира. Уже гоготала добрая половина собравшихся – кто-то вскакивал на столы, чтобы лучше видеть.

Алиедора и глазом моргнуть не успела, как оказалась растянутой поперёк стола – ноги остались на полу, один из громил держит за руки, прижимая запястья к липкой столешнице, а другой, с сопением облапив за талию, шарит по застёжкам пояса, где и кошелёк, и всё прочее – в привешенных сумочках.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, как с ней собираются обойтись. Трудно поверить, чтобы вот так сразу... едва завидев...

Алиедора истошно завизжала, перекрыв даже гнусный гогот оборванцев. Попыталась лягаться – бесполезно, сразу же зажали и ноги. Застёжка пояса наконец уступила, кожаные штаны стали предательски съезжать, на шее она ощутила чужое смрадное дыхание; чьи-то пальцы больно вцепились ей в грудь.

– А-а-а-а-ай!!!

Не укусить, не пнуть, не оцарапать...

Державшего её руки громилу слишком привлекло созерцание её обнажившихся прелестей, с раззявленных губ стекала слюна. Его толкнул другой оборванец, явно недовольный обзором, и потная лапища, прижимавшая к доскам запястье Алиедоры, чуть ослабила хватку.

Пальцы беглянки метнулись к бесполезно болтавшемуся тесаку – никто из насильников даже не потрудился сорвать его и отшвырнуть в сторону. Отмахнулась – слепо, в ужасе, не видя куда...

Руки внезапно стали свободны. А державший их громила молча оседал, прижав обе грязные лапищи к рассечённому наискось лицу – лезвие тесака прошло от правого угла рта через нос и левый глаз, окончив кровавой росчерк возле левого виска.

– Ы! – выдохнул кто-то за спиной Алиедоры.

Ничего не соображая, она вновь ткнула тесаком – угодив кому-то под ребро.

Терзавшие её пояс руки исчезли, кто-то падал рядом, кто-то замахнулся, свистнула дубинка и врезалась в столешницу. Алиедора крутнулась, снова завизжала – и тут по всей таверне пронёсся жуткий треск, словно десятки и сотни могучих челюстей впились в опорные столбы, «Побитую собаку» наполнил едкий кислый запах, от которого запершило в горле и из глаз полились слёзы.

Алиедора не знала, что заставило её первой завопить: «Гниль!»

А столы уже опрокидывались, разваливались камни очага, падали вертела, и очумело верещал несчастный поварёнок при виде падающего в угли жаркого. Доски пола трещали и лопались, летели щепки, и прямо посреди таверны вспучивался чудовищный пузырь. Чему там было надуваться, в подполе, что удерживало смертельный яд? Кто знает, отчего он не разлился сразу?

Выбивая окна и двери, бросая всё, что мешало бежать, впереди яда Гнили хлынул гной человеческий. Об Алиедоре все разом забыли – и даже громила с рассечённым лицом выл, пытаясь отползти прочь.

У коновязи рвал постромки вороной Алиедоры. Чуть не падая, она метнулась к нему, увидела, как сразу двое оборванцев вцепились в повод скакуна – только лишь для того, чтобы оказаться под острыми раздвоенными копытами. Боевой жеребец пробивал ими кованые доспехи.

Стены «Побитой собаки» разьежались, проваливалась крыша, кислый запах стал совершенно нестерпимым. Визжа, доньята Венти взлетела в седло, скакун захрапел, не нуждаясь в понуканиях. Оборванцы и громилы, разбойники и побирушки – все с воем разбежались сейчас в разные стороны, а внутри «Собаки» раздался вдруг громкий хлопок, крыша осела окончательно, а изо всех щелей хлынул поток гнилостно-желтоватых многоножек.

Алиедора знала, что такое Гниль. Страшное бедствие доселе обходило стороной владения сенора Дerrрано, однако в окрестностях замка Венти как-то случилось. От него не было иной защиты, кроме каменных стен да молитвы – и то сказать, даже гранит поддавался, уступая напору неутомимых челюстей. Счастье, что многоножки жили только от рассвета до заката и не дольше, – иначе не спасли бы никакие стены.

Гайто доньяты растоптал несколько самых шустрых тварей и рванулся, огромным прыжком переносясь через выплеснувшуюся из развалин таверны мутно-жёлтую, шелестящую множеством ног волну. Вороной взревел, словно его дикий сородич во время гона, и помчался так, что в ушах Алиедоры засвистело.

Она ещё нашла в себе силы оглянуться, увидеть, как жёлтый прилив одного за другим настигал бегущих и как они опрокидывались, иные молча, иные с отчаянными воплями – очень быстро, впрочем, пресекавшимися.

Потом оглядываться она перестала. Дорога неслась навстречу, ветер зло хлестал по лицу, из глаз катились слёзы.

Славно встретила тебя родная меодорская земля, благородная доньята Алиедора Венти.

Конечно, к закату жуткие твари передохнут сами, опрокинутся все, как одна, на спину и умрут, слегка подёргивая конечностями. Но пока это случится, они успеют добраться до окрестных хуторов и охотничьих избышек, до недалних деревенок; страшный круг будет расширяться, словно впитывая солнечные лучи, обращая их в смертное проклятье; и только благословенные Гончие, небесные враги всякой нечисти и бесовской твари, положат предел кровавому пиршеству.

Только теперь Алиедора заметила, что в правой руке по-прежнему зажат окровавленный тесак, – как она взлетела на спину гайто, как правила им одной левой рукой – поистине неведомо.

...Наконец утомился даже могучий жеребец, пошёл тяжким шагом, опустив голову и поводя боками. Эдак тебя и загнать недолго, всполошилась доньята. Страх лишиться скакуна вытеснил всё остальное, даже ужас от совсем недавнего. По сравнению с едва не случившимся в таверне плётка и верёвки Байгли казались невинными развлечениями.

Алиедора спешила. Доньята вела гайто в поводу, пока не услышала журчание ручья. Рядом с потянувшимся к воде жеребцом она упала на колени, долго и жадно пила.

Сколько ж всего случилось за последний день!

Празднество в Деркооре; закрывающаяся за ними с Байгли Деррано дверь свадебного покоя; вдруг перекосившееся, оскотинившееся лицо мужа, что прежде казалось ей порою даже и привлекательным; верёвка, захлестнувшая её запястья; свист плети, обжигающая боль, от которой темнеет сознание; её жалкие стоны и мольбы о пощаде...

На этом месте благородная доньята заскрежетала зубами. Посягнувшие на неё бродяги в «Побитой собаке» уже заплатили жизнями; а вот Байгли...

Конечно, потом, когда ей удалось убедить его, что она готова стерпеть всё, что угодно, когда он таки развязал ей руки, чего требовала какая-то его очередная «игра», донельзя для неё болезненная, она, доньята Алиедора Венти, от души угостила благоверного каминной кочергой. Жаль только, голову не проломила, лишь оглушила на короткое время. Его только-только и хватило, чтобы одеться, отыскать кошель да свести лучшего скакуна из стойл сенора Деррано.

Нет, Байгли за всё заплатит. Она ещё с ним потолкует, со своим «муженьком», потому как формально она уже не доньята Венти, а младшая донья Деррано.

– Ну, милый мой, готов? – Она подошла к жеребцу, погладила чешуйчатую морду. Большие фиолетовые глаза воззрились на неё, как ей показалось, преданно, хоть и устало. – Понимаю, понимаю, плохо тебе. Но ничего, так быстро скакать уже не нужно. Мы с тобой тихонечко... шагом так...

* * *

Алиедора и её верный гайто продвигались всё дальше и дальше на северо-восток, снова выбравшись на оживлённый тракт. Здесь доньята бояться совсем перестала – чуть не каждые три лиги попадался дозорный пост королевских рот. Беглянка косилась на добротные вышки и бревенчатые частоколы, провожала взглядом важных сержантов в полном доспехе.

Вот только почему ж вас, таких бравых, не оказалось возле «Побитой собаки», о которой каждый путник знает, что это разбойничий притон?!

Вечером она, едва держась в седле, остановилась возле благопристойного трактира прямо возле сторожевой вышки ротников Меодора. Наученная горьким опытом, входила осторожно, стараясь поменьше попадаться на глаза.

Оборванцев и побирушек тут, как ожидалось, оказалось куда меньше. Зато куда больше – весёлых девушек с донельзя низкими вырезами на расшитых по вороту и обшлагам цветами блузах.

Девушки пересмеивались с заполнявшими трактир ротниками, свободными от службы, сидели у них на коленях и только с готовностью хихикали, когда кто-то из наёмников запускал пятерню им за пазуху.

Благородная доньята Алиедора Венти гордо задрала нос и прошествовала мимо сего непотребства.

... Она не успела устроиться в уголке, не успела донести до рта первую ложку с дымящейся похлёбкой, как на скамью прямо против доньяты тяжело плюхнулся немолодой краснорожий сержант – без доспехов, но при мече и прочих причиндалах.

– Почему одна скучаешь, красотка? – Сержант с шумом отхлебнул пива, грохнул кружкой о стол. – Здесь у нас скучать не принято.

– Покорнейше прошу меня оставить. – Как учили, Алиедора не повернула головы к хаму. – Я благородная доньята Алиедора Венти, и мой отец...

– Ха! Ха-ха! Слышь, что несёт! – гоготнул краснорожий сержант. – Благородная доньята, на себя посмотри!

– Что тут у тебя, Хён? – осведомился другой сержант, проходивший мимо. – Упирается? Плюнь, тут других хватает.

– Не, с той, что упирается, оно завсегда интереснее, – названный Хёном перегнулся через стол, приподняв голову Алиедоры за подбородок. – Ишь, дикую разыгрывает!

– Отойди! – завизжала Алиедора. Что же это за кошмар, уже второй раз, второй раз уже...

Тесак сам оказался в руке. Несколько ротников, с любопытством наблюдавших за развитием событий, от души расхохотались.

– Глянь, какая колючая!

– Угу, ёрш, да и только!

– Давай, Хён, давай, такие знаешь как горячо любят?!

Но краснорожий Хён не нуждался в подначках. Однако, прежде чем жилистые пальцы сержанта вцепились ей в плечи, Алиедора бросилась наутёк, оставив на столе почти нетронутую похлёбку.

Вслед ей нёсся дружный хохот.

Да что ж это такое, что?..

По лицу катились слёзы. Гайто едва шагал, никем не понукаемый.

«Что во мне такого? Чего они ко мне цепляются, словно обезумев? Конечно, королевские ротники не то что сброд из «Побитой собаки»... но кончилось бы одним и тем же».

Конечно, раньше благородная доньята из славного рода Венти никогда не путешествовала в одиночку, только с внушительной свитой. Ей не приходилось ни о чём заботиться, но... чтобы вот так в трактирах кидались на любую девушку, оказавшуюся почему-то в одиночестве?..

Ночевала она в лесу. Живот сводило от голода. Хорошо, помог жеребец – лёг на бок, пристально взглянул, мотнул мордой, словно приглашая прижаться к гладкому и тёплому боку.

– Спасибо тебе, – прошептала Алиедора, глядя скакуна по чёрной «броню». Тот прикрыл глаза от удовольствия, словно шерстистик, – недаром говорят, что гайто чувствуют сквозь чешую всё, что хотят, а вот боль до некоего предела могут и совсем не замечать.

Жеребец коротко всхрапнул, мол, ладно, чего тут говорить. Спи, доньята.

Поутру они двинулись дальше, и теперь Алиедора старалась вообще никуда не соваться. На большом рынке наконец купила поесть, накормила скакуна отборным зерном. Здесь, к счастью, на неё только глазели, а когда пара подозрительных типов стала осторожно, шагком за шагом подбираться, доньята тотчас вскочила в седло. И тут краем уха уловила пронёсшееся над толпой тревожное:

– Гниль! Гниль высыпала! Гниль прорвалась!..

– Где?! Да где же?

– Где – да у Коррика на постоялом дворе. В «Недорезанном поросёнке».

– Там же застава рядом!

– Была застава. Больше нету...

По спине Алиедоры покатился холодный пот, взор помутился. Что такое? Гниль? В «Недорезанном поросёнке»? Ну да, именно так ведь назывался постоялый двор, где brave сержант Хён пытался её, скажем так, очаровать.

Второй раз Гниль ударила совсем рядом с ней. Второй раз. И это не могло быть случайностью. Как не могло быть случайностью то «чудесное» спасение на капище Семи Зверей.

Что-то с ней происходит. Что-то очень важное – и очень страшное.

Домой. Скорее. Домой. Быстрее ветра! А там всё будет очень хорошо...

Стоп. А что, если, Алиедора задрожала, она ведёт за собой эту самую Гниль? Нет, нет, не может быть! Это, это... Из глаз полились слёзы, жеребец сам собой выбрался с рынка, сам пустился по наезженному тракту.

Нет, нет, нет. Она не может, никак не может вести за собой это бедствие. Она ведь уже давно уехала из этого «Поросёнка», а прошлый раз, в «Собаке», Гниль ударила сразу. Это просто совпадение, дикое, чудовищное, но просто совпадение.

Домой, скорее. Там найдётся кому помочь. Фра Шломини, мэтр Диджорно, а если не хватит – есть орден Чаши, есть орден Солнца, к отцу там прислушаются, там помогут...

«Ой, не обманывай себя. – Алиедора до боли прикусила губу, ощутила вкус крови. – Не обманывай себя – если заподозрят в «ведьмовстве», сожгут сразу и ничего даже не спросят. Да ещё и станут пытаться, выznавая имена тех, кого ты «совратила» и кому «Гниль в утробу посадила».

Нет, нет, нет! Никому о Гнили она и слова не скажет. Только про Байгли и его плётку. Папе и этого будет достаточно.

Теперь доньята не мешкала и нигде не задерживалась. Ночевала в лесах – глухие чащобы казались безопаснее людских поселений, – пока наконец не выехала на широкую дорогу, ведущую на запад через Сашэ и Бринтон к самым Реарским горам и за них, в Державу Навсинай, а на северо-восток прямо к замку Венти, стоящему на берегах неглубокого, но чистого и изобильного рыбой Роака.

К родному дому...

* * *

Дигвил Деррано зло хлестнул плёткой по голенищу. Деревенщина меодорская! Его, будущего сенора Деррано, деверя их собственной дочери, не принять немедленно! Конечно, посадили в почётном покое, подали вина, но тем не менее, тем не менее! Конечно, Венти род известный и влиятельный, эвон, и к бра-дону генеральному стряпчому дорожку имеют, а всё равно – деревня деревней. Это ещё надо разобраться, откуда их дворянство пошло...

А, ну вот, наконец-то. Ишь, лакей-то у нас ливрейный, с гербом на пузе, гербом на спине, на рукавах и фалдах... только на заднице нет, а то хорошо бы смотрелось.

– Дигвил! – Отец Алиедоры, благородный сенор Венти, поднялся с резного кресла, шагнул навстречу, распахивая медвежьи объятия.

Был сенор невысок, кряжист, широкоплеч и по молодости, говорят, в одиночку ходил на горных диких великанов. В кабинете стоял накрытый стол, угощения – ревниво взглянул дотошный Дигвил – соответствовали. Нет, всё-таки не совсем деревенщина.

– Премного рады видеть тебя в скромном нашем обиталище, – благодушно рокотал сенор, хлопая молодого Деррано по плечу так, что тот аж присел, хотя не был обижен ни силой, ни статью. – Удивлены, признаться, удивлены, но и обрадованы безмерно! Верно, привёз ты нам вести? Благодарим, благодарим сенора Деррано, что прислал старшего сына, уважил нас, большую честь оказал.

– Грм... – Так, значит, беглянка тут пока не появлялась. Всё как Дигвил и рассчитывал. – Благородный сенор Венти... я прибыл с горестными вестями. – Надо брать быка за рога.

– С горестными? – насутился хозяин. – Что случилось? Все ли здоровы в замке Деррано? Не стряслось ли чего... с дочерью нашей?

– Стряслось, благородный сенор.

– Ох... – Надо же, аж пошатнулся! Отец семерых девчонок! Уж казалось бы, ну что тебе эта Алиедора? С двенадцати лет в воспитанницах, отрезанный ломоть! – Дщерь наша... она жива?

– Жива и здорова, сенор Венти. Насколько я знаю. Последний раз, когда я её видел, была более чем жива.

– Сядь. – Брови старого хозяина замка Венти изломились с мукой. – Рассказывай по порядку, Дигвил, дорогой.

– Значит, благородный сенор, дело было так...

* * *

Едва унялось бешено бьющееся сердце. С самого утра оно так и прыгало в груди – когда пошли с детства знакомые места. Здесь она училась ездить на гайто. Здесь купалась с подружками. Здесь ходили по ягоды с нянюшкой. На этот пожжённый грозой остролист лазали с сёстрами, сидеть в удобной развилке, глазеть на большую дорогу, где всегда столько всего интересного!

А вот и башни самого замка, кольцо старых стен, обрывистый берег Роака возле самых бастионов – там, знала Алиедора, пролегали подземные ходы и тайные колодцы, так что случись осада, защитники Венти не будут мучиться от жажды.

«Сколько ж я не была тут? Четыре года, да, верно, четыре больших круга. Дом, дом, милый дом, как же я, оказывается, по тебе скучала!»

Усталый гайто встал у ворот, опустив голову. Выбился из сил, бедняга. Ничего, теперь у тебя будет лучшее стойло и самая лучшая кормёжка и вообще всё, что только есть лучшего в конюшнях моего отца.

Тяжёлые створки, как и полагалось, были заперты. Где-то там, внутри, пониже засова – старательно накорябанная ею, благородной доньяткой, надпись, повествующая всем встречным и поперечным о том, что Зизика, старшая сестра, есть змея подколотная, ябеда и подлиза.

Алиедора чуть улыбнулась воспоминаниям. Нагнулась к окошечку, требовательно постучала.

– По какой надобности? – хрипловато осведомился голос привратника, и сердце беглянки заколотилось ещё быстрее. Нет, дома всё осталось по-прежнему, и старый Пенерт на своём месте, в воротной будке.

– Это я, я, Алиедора! – Ой, кажется, она сейчас разревётся...

– Доньята Али?! – раздалось поражённо. – Ом всемогущий, радость-то какая... да только...

– Что «только»?!

Засов заскрипел, отъезжая в петлях.

– Братец ваш, благородная доньята... сегодня утром прискакали сам-третий... наследник сенора... молодой дон Деррано... дон Дигвил...

У Алиедоры вырвалось яростное шипение. Ну конечно. Дура, как она могла решить, будто клан Деррано вот так легко и просто откажется от неё?! Конечно, прислали Дигвила, он-то поумнее. И дорога у него наверняка была как шёлком выстелена. Уж он-то небось с Гнилью не сталкивался!

– Так тыпустишь меня или нет?!

– Виноват, виноват, благородная доньята Али, стар стал, ослаб, не так расторопен...

Створки наконец распахнулись, и Алиедора едва не покачнулась в седле, увидав до слёз знакомый двор замка.

Бородатый и седой Пенерт, служивший привратником столько, сколько беглянка помнила себя, заискивающе кланялся и улыбался, не сводя с «молодой госпожи» преданного взгляда.

– Когда же приехал... Дигвил?

– Да только что, только что, нынче поутру и сразу ж, как я слышал, к его светлости пошёл... Доньята Али, простите старика, вас на руках носившего, не стряслось ли какой беды?

Да, Пенерт был старым и верным слугой. Недоброугодно отвечать таким презрением, хотя мог бы сообразить и сам.

– Мой муж тяжко оскорбил меня, Пен. Я вернулась домой.

– Ох, ох, как и думал, как сердце-то мне и говорило! – всплеснул руками привратник. – Поверите ль, доньята Али, вот как есть скажу. Только этого Дигвила завидел, сразу решил – дурные дела творятся... Ну, ничего, ничего, доньята, дайте вам стремя-то подержу по старой памяти... Ах, выросли-то как да похорошели, доньята, простите старика за эти речи...

– О чём ты, Пен? – Алиедора приобняла старого привратника, бывшего поверенного всех её детских проказ. – Пошли лучше весть маменьке. И распорядись, чтоб скакуна моего обиходили, он меня от погони спас, когда Деррано за мной целую ночь гнались...

– Гнались?! – ахнул Пенерт и сжал кулаки. – Ах, они, шаромыжники, мошенники, чего удумали! Сейчас, доньята, сейчас. Эй, малец, Фабьо! Одна нога здесь, другая там, гони к госпоже, скажи, что молодая доньята Алиедора вернулась! И поварам на кухне скажи, что вернулась она голодной! И конюхов сюда пару! Всё понял? Или подзатыльником подтвердить?

– Не надо, дядюшка Пенерт, всё сделаю! – звонко откликнулся дворовый мальчишка и умчался – только пятки засверкали.

«Я дома, – подумала Алиедора, оглядывая двор сквозь наворачнувшиеся слёзы. – Я дома».

* * *

– Значит, так оно и было, дон Дигвил?

Под пристальным взором старого сенора Деррано поёжился. Он рассказал всё как было. Ну, или *почти* как было, не умолчав ни о кочерге, ни о сведённом с конюшен жеребце. Он даже *почти* не щадил своего дурного братца, с сожалением, вздохами и разведением рук признавая, что да, Байгли может порой оказаться «несносен». Но бежать в брачную ночь, огрев законного мужа по голове так, что тот свалился без чувств и с громадной шишкой, нанеся столь тяжкое оскорбление всему роду Деррано!

– Понимаю твоё возмущение, дон, и возмущение твоего благородного отца. Но сердце моё полно и тревоги за неразумную мою дочь. Куда она исчезла? Что, если попала в беду?

– Я думаю, сенор Венти, что направиться молодой донье Деррано некуда, только сюда, в родные стены. Я надеюсь, что она сразу же будет отослана обратно, с должным отеческим внушением, чего следует, а чего не следует делать молодой жене благородного дона.

«Гм, кажется, это я сплоховал, ошибся. Ишь, боров старый, сдвинул брови. Сдвигай-сдвигай, закон на нашей стороне. А следы от плётки надолго не останутся. И что тогда будешь делать, сенор Венти?»

– Что там за шум? – Хозяин недовольно взглянул на двери.

Высокие двойные створки распахнулись, и в кабинет благородного сенора, в святая святых замка, ворвалась целая толпа – с криками, гомоном, хохотом, плачем и объятиями. Вихрь крутящихся платьев, зелёных ливрей, мальчишки, девчонки, какие-то старушки, ого, сама хозяйка, донья Венти, а в сердце этого непотребства...

Разметавшиеся вьющиеся пряди, жёсткие и чёрные как смоль, горящие большие глаза, истёртая, перепачканная мужская одежда, тесак на бедре...

«Я был прав, – подумал Дигвил, невольно выпрямляясь. – Куда ж тебе ещё деваться, курочка ты наша. Примчалась сюда, в родные пенаты...»

На миг он пожалел, что не устроил засады поблизости от замка. Но, во-первых, кто же мог ожидать, что беглянка доберётся до дома так быстро? И потом – она знает тут каждую тропинку, а люди в цветах Деррано, засевающие на меодорских землях, во владениях влиятельного клана Венти, – это повод, гм, для многих не шибко приятных вещей.

– Алиедора, – выдохнул старый сенор.

– Папа, папочка!

– Гертрем, Али вернулась!

– Пап, Алька тут, у нас!

– Пап, она... её там...

– Эхем! – Дигвил поднялся, внушительно прокашлявшись. Наступила внезапная тишина. – Благородная донья Венти, благородный сенор. Всё разрешилось ко всеобщему удовлетворению. Молодая донья Деррано цела и невредима. Полагаю, теперь ничто не мешает нам с ней немедленно отправиться туда, где её настоящий дом, где её ожидает законный муж и...

– Заткнись! – вдруг выпалила Алиедора, и Дигвил, опешив, заметил блеск тесака в руке беглянки. – Заткнись! Знаю, зачем ты здесь, – братца спасать, его покрывать?!

Дигвил невольно отшагнул к стене, положив руку на эфес.

– Отец! Маменька! – Голос Алиедоры звенел. – Велите всем выйти. Кроме него! – Остриё тесака смотрело прямо на Дигвила.

– С каких это пор в почтенном и благородном семействе сеноров Венти забыли об уважении к гостю? С каких это пор девчонка распоряжается мужами? – Дигвил цеплялся за соломинку.

Под грозными взглядами отца и матери стайку молодёжи вихрем вынесло за дверь, туда же отправились лакеи и прочая прислуга. В кабинете сенора Венти осталось четверо: он сам, донья Венти, Дигвил Деррано и Алиедора, не опускавшая тесака.

– Смотрите. – Беглянка решительно сунула клинок в ножны и распустила завязки на куртке. – Смотрите, маменька. Смотрите, батюшка. Вот кому вы отдали меня в жёны!

Дигвил предусмотрительно отступил ещё на шаг – теперь уже поближе к двери, горько жалея сейчас, что оба его ловчих – крепких и бывалых – остались в людской.

– Смотрите! – Голос Алиедоры ломался от еле сдерживаемых слёз.

Она в упор прожигала взглядом деверя, прижимая к груди скомканную и спущенную с плеч рубашку.

Донья Венти охнула и задохнулась, прижав ладонь ко рту; сенор Венти издал глухое и яростное рычание. Прежде чем он повернулся к Дигвилу, тот выдвинул меч уже до половины.

– Ты! – проревел почтенный сенор. – Отвечай! Что это такое?

– Где? Чего? Ничего не вижу, простите милостиво. – Дигвилу потребовалось всё его хладнокровие.

– Ничего, маменька, батюшка, я ему покажу. Чай, – по лицу Алиедоры расплывалась какая-то изуверская ухмылка, – он мне не чужой.

«...Да, братец, – отрешённо подумал Дигвил, глядя на исполосованную кровавыми рубцами белокожую спину. – Учинил ты. Тебе мало было свежего молодого тела? Непременно надо было исхлестать? Иначе ты не можешь? Тьфу, пропасть, не будь ты моим братом...»

– Муж может учить жену свою, – услышал Дигвил свой собственный, показавшийся донельзя противным голос. – То записано во всех книгах, и таков обряд. Донья же Алиедора Деррано мужниной воле не подчинилась, чем привела его в законное...

– Молчать! – взревел сенор Венти, и Дигвил даже с каким-то облегчением услышал шелест обнажаемой стали. – Молчать, ублюдок и брат ублюдка! Да как посмел ты явиться на мой порог?! Вы опозорили отца своего, досточтимого сенора Деррано!

– Позорит честное имя сенора кое-кто другой, обзывая гостя поносными словами и грозя оружием, – процедил сквозь зубы Дигвил. Ему оставалось только одно – затеять ссору и прицепиться к словам разъярённого, словно дикий вепрь, хозяина замка Венти. – Позорит честное имя тот, кто, не вникнув и не выслушав, готов...

Но тут на него молчаливой фурией надвинулась сама донья Венти, и в глазах её читалась такая ярость, что Дигвил вновь попятился, мигом позабыв о наполовину обнажённом мече.

– Вон отсюда, щенок, – тихо процедила донья сквозь зубы. – Вон, куда муж мой не велел затравить тебя нашею сворой. А отцу своему передай – у него дрянь, а не сыновья. Позор на его седины, что не сумел объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Убирайся!

– Никто не может безнаказанно поносить наследника рода Деррано! – Кровь бросилась Дигвилу в голову. – Ответишь за эти слова, женщина!

– Вот-вот. Род Деррано, похоже, умеет требовать ответы только с безоружных женщин. – Сенор Венти вдруг оказался рядом, и достойная горного великана лапища впиалась Дигвилу в плечо. – Моя жена уже сказала тебе – вон отсюда. Хочешь, чтобы я вышвырнул тебя в грязь перед всею дворней?!

– Мой отец этого не простит! – в отчаянии взвыл Дигвил.

– Твой отец... ха! В первую очередь мы не простим, мы, род Венти!

Дигвила потащили к двери – силища у отца Алиедоры оказалась поистине великанская.

– Пшёл вон!

Кое-как одёрнув перекрученный, сбитый на сторону камзол, Дигвил выбрался во двор, ни на кого не глядя, бросился к стойлам.

– Эй, ты! – рывкнул он на подвернувшегося конюха. – Моих людей сюда, живо!

...Когда они втроём выезжали из ворот замка Венти, вслед Дигвилу кто-то метко швырнул комок грязи, угодив между лопаток. Наследник рода Деррано выругался, посулившись спалить это проклятое гнездо дотла, перевешав при этом на башнях всех его обитателей.

Вышколенные ловчие не задали молодому господину ни одного вопроса.

* * *

...Алиедора проснулась – в своей старой постели, под знакомым до мельчайших деталей балдахинном. Маменька тут так ничего и не поменяла, словно ожидая все эти годы, что дочь вернётся.

Всё прошло, как тому и следовало. Ни маменька, ни батюшка не выдали, не отдали её этому проклятому Деррано – на муки и погибель, трагически подумала она. Защищало глаза, себя стало очень жалко. Вчера всю спину беглянки до позднего вечера умащивали всевозможными снадобьями, натирали мазями и накладывали смоченные отварами повязки. Суежилась старая нянюшка, охали и ахали сестрички, братья же скрежетали зубами и состязались в изобретении новых и новых способов дать Байгли почувствовать, что это значит – гнев оскорблённого рода Венти. Отец послал к вассалам, домашний секретарь мастер Лейвен изложил цветистым слогом жалобу досточтимого сенора его величеству королю Меодора, его величеству королю Долье, его высокопреосвященству кардиналу Уштильскому, в чьей власти было свершить обряд расторжения постылого брака; а также и родственнику сенора, его досточтимости бра-дону Фрамаццо, генеральному стряпчему его величества Семмера, владыки Долье.

Но все эти подробности Алиедору занимали мало. Она вернулась домой, а остальное уже не имело значения.

О Гнили, «Побитой собаке» и «Недорезанном поро-сёнке» она и думать забыла – молодая память милосердна.

Глава 3

Это было замечательное лето. Алиедора наслаждалась каждым днём, каждым мигом; каждым домашним обедом, каждой тарелкой с испечёнными няней её любимыми пирожками. Прослышав о случившемся, срочно приехали замужние сёстры Келеайна и Андреа, привезли детишек, и Алиедора училась быть «тётушкой». Она и думать забыла про род Деррано – папа выгнал этого противного Дигвила со двора, теперь уж больше не сунутся. А потом его преосвященство, конечно же, освободит её от данного слова, а там... Сердце сладко заходило.

Прошло четыре седмицы чистого незамутнённого счастья, пока у ворот замка Венти не затрубили рога.

Вместе с остальными домашними похолодевшая Алиедора смотрела, как во двор въезжает внушительная процессия – почти пять десятков вооружённых людей в цветах и под стягом рода Берлеа.

Вся семья, а также фра Шломини, мэтр Диджорно, мастер Лейвен собрались в большой зале. Несмотря на летний день, жарко пылал камин, у дверей застыли парные караулы лучших мечников замка Венти; и ещё внушительный отряд ожидал поблизости.

Прибывшие из Берлекоора выстроились в ряд, вскинув каждую правую руку в торжественном салюте. Мимо них в сопровождении мальчика-пажа прошествовал молодой рыцарь с гербом на груди: синяя змея высунула голову из вод огненной реки.

Род Берлеа тоже прислал старшего сына, но уже куда более официально.

– Достопочтенный и многодостойный сенор! – Посланник слегка поклонился, как старшему годами, но не положением. – Наш род, род Берлеа, облечён доверием рода Деррано, со владениями каковых граничат наши земли, выступить посредниками и миротворцами в нелепом раздоре меж благородными семействами.

Высокорожденный сенор Деррано готов забыть нане–сённую его старшему сыну и наследнику титула обиду, если высокорожденный сенор Венти не станет чинить препятствий к осуществлению благородным доном Байгли Деррано своих прав мужа в отношении жены его, доньи Алиедоры Деррано, и немедленно отпустит с подателем сего послания вышеречённую донью Алиедору для препровождения к законному супругу...

Алиедора едва усидела и едва подавила яростный выкрик, когда наследник Берлеа гордо выпрямился, окинув семью и домашних Венти высокомерным взглядом.

– Благодарю род Берлеа за взятый на себя труд, – мрачно проговорил отец доньяты. – Однако ж должен сказать, что никто и словом не упоминает о тех побоях, что претерпела моя дочь, едва отойдя от алтаря. Никто не говорит об оскорблении, нанесённом *моему* роду!

Рыцарь изящно поклонился.

– Кто рассудит, что случилось в спальне меж супругами, когда за ними закрылась дверь? Один лишь Ом Прокреатор. Не стоит в это вмешиваться. Так считает род Деррано, так считает мой благородный отец. Тем более что рубцы, если они и имели место, уже сошли. А оставленный законной женою законный муж – никуда не денется.

У Алиедоры всё сжалось внутри. Да, рубцов уже почти не видно. Скоро совсем исчезнут. И что тогда?

– Мне достаточно того, что видел я, – резко бросил отец. – Что видел его преподобие фра Шломини. Что видел многоучёный мэтр Диджорно. Что видела моя благородная супруга. А видел я следы беспощадных побоев. Я своих нерадивых серфов так не наказываю!

– Если наказание было столь жестоким, как же благородная донья Деррано смогла добраться до замка Венти? Ей следовало бы лежать без сил после такой порки! – возразил посланец.

– Когда тебя так бьют, бывает, что и не знаешь, откуда силы берутся! – парировал отец. – Моя дочь останется здесь. Я уже обратился к его высокопреосвященству с просьбой разрешить доньяту Алиедору от всех данных ею клятв.

– Благородный сенор Деррано, предвидя это, также обратился к его высокопреосвященству. А также прибег к суду его величества короля Семмера, владыки Долье.

– Королевский суд Долье не может судить мою дочь!

– Благородный сенор Деррано, предвидя и это, просил передать, что, пока брак не расторгнут особой энцикликой его высокопреосвященства, донья Алиедора Деррано остаётся подданной его величества короля Долье со всеми вытекающими последствиями, в том числе – подсудностью его слову.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – сенор Венти грозно поднялся, – что его величество Семмер самолично явится сюда устанавливать свою волю? Здесь земли иного королевства!

– Сие мне ведомо, – поклонился посланец. – И сенор Деррано уполномочил меня обратиться также к его величеству Хабсбраду Меодорскому с мольбой о споспешествовании правосудию.

– Достаточно, – потемнел лицом сенор Венти. – Ты говорил довольно, дон Берлеа. Ныне же прошу тебя покинуть мой замок.

– Не премину исполнить волю хозяина, – поклонился рыцарь. – Но сперва хотелось бы всё же узнать ответ благородного сенора.

– Мой ответ: нет, нет и ещё раз нет! – зарычал отец Алиедоры, вскакивая. – Мы были добрыми соседями с родом Берлеа и твоим благородным родителем, Астимусом. Но принятая родом Берлеа сторона не оставляет мне иного выбора, как указать тебе на дверь, дон.

– На всё воля хозяина дома сего, – с показным смирением поклонился рыцарь и двинулся к двери.

– Алиедора! – гаркнул отец, едва за посланником закрылись створки. – Мы едем. Немедля. В Меодор, к королю...

* * *

Последующие дни оказались все заполнены безумной скачкой. Перевернув вверх дном весь дом, сенор Венти ещё до заката выехал с дочерью, ловким в крючкотворстве мастером Лейвенном, имевшим диплом также и стряпчего, и двумя дюжинами рыцарей стражи по широкому тракту на север, к Артолу. Через Ликси вышло б куда короче, однако старый сенор не хотел рисковать и чрезмерно приближаться к пределам Долье.

...В столице Алиедора в полной мере ощутила себя просто безвольной куклой. Аудиенция у королевского мажордома. Аудиенция у его преосвященства епископа Меодорского. Аудиенция у вдовствующей королевы-матери с демонстрацией её величеству следов от нанесённых побоев. И, наконец, приватная аудиенция у его величества.

К тому моменту у Алиедоры в голове уже всё смешалось. Разубранные шёлком и бархатом покои с тяжёлым ароматом от горящих курильниц; ковры и гобелены с прекрасными дамами и коленопреклонёнными рыцарями; кувыркающиеся на их фоне карлы, горбуны, шуты, отпускавшие такие шуточки, что Алиедора вся заливалась краской; шеренги королевских рот, на которые с неодобрением косился отец, кратко пояснив, что его величество, наверное, совсем не доверяет своим верным вассалам, если тратит такие деньги на содержание наёмного войска.

Его преосвященство, сухой остроносый старик с масляным взором и холодными, словно костяными пальцами, куда дольше, чем следовало бы, по мнению Алиедоры, трогавший её обнажённую спину; её величество вдовствующая королева-мать, задававшая Алиедоре такие вопросы, от которых доньята краснела ещё пуще, чем от шуточек королевских карликов и карлиц; долгое ожидание отца, пропадавшего дни и ночи напролёт, всё говорившего, говорившего и говорившего с другими сенорами, с приближёнными его величества, с его преосвященством – и снова с приближёнными...

Так прошло полтора месяца, и лето, как говорили серфы, «показало спину». Алиедора скучала в огромном доме, принадлежавшем сенорам Венти; как «мужняя жена», она не могла никуда выходить одна, а его высокопреосвященство что-то не торопился разрешить её от уз постылого брака.

И отец... что-то он не становился веселее, а с каждым днём всё дольше просиживал с мастером Лейвенном и другими столичнымистряпчими, составляя свиток за свитком.

Без малого шесть седмиц Алиедора провела в столице, а получается, что и вспомнить нечего, кроме разве что походов в торговые ряды, да и то всё удовольствие портил топавший по пятам за нею отряд из десятка слуг, вооружённых до зубов.

...Но всему приходит конец. Пришёл он и ожиданию.

В тот вечер отец вернулся рано и молча обнял дочку.

– Едем домой, благородная доньята. Его величество преклонил-таки слух к нашей просьбе, даровал защиту, решив, что ты неподсудна королю Долье.

– Урра!

– То-то же, что ура, пострелица... Его величество решил, что наша честь, честь рода Венти, оскорблена и что мы можем искать удовлетворения любыми доступными нам методами.

Этого Алиедора не поняла.

– Если эти свиньи Деррано сунутся к нам – получают, да так, что покатаются до самого своего Деркоора! – Сенор грохнул кулаком по столу. – Будем воевать, если надо!

* * *

В замке Венти их ожидала торжественная встреча.

– Ох, истомились мы тут, дочка, вас с отцом ожидаючи! – плакала маменька, обнимая вернувшуюся Алиедору. – Деррано, говорят, злые-презлые ходят, после того как король-то наш, дай Ом ему здоровья, разорвал их претензии да на пол кинул. Они-то, Деррано, чего удумали – к своему королю кинулись, а тот и присуди, мол, тебя надлежит вернуть к мужу. Мыслимо ль такое, дочка? Мол, ты есть подданная дольинского престола и подлежишь выдаче...

– Пустяки, мама. Кто ж меня отсюда выдаст-то?

– Никто, доченька. Никто и никогда.

* * *

«Показав спину», короткое северное лето на берегах моря Тысячи Бухт быстро пошло на убыль. Зелень окрестных лесов продёрнуло золотом, когда у ворот замка Венти вновь раздался рог посланца.

– Благородный род Деррано, – на вестнике была одежда королевского гонца и крупные гербы престола Долье, – последний раз шлёт роду Венти призыв внять слову благоразумия. Честь рода Деррано оскорблена, ей нанесён тяжкий урон. Поэтому род Деррано считает себя вправе, в случае дальнейшего неподчинения королевскому суду Симэ, взять на землях

рода Венти то, что будет благоугодно владетелям Деркоора, и в этом их поддерживает его королевское величество Семмер, правитель Долье!

Королевского гонца не вытолкаешь взащей, пусть даже он служит чужому правителю.

– Засвидетельствуй его королевскому величеству моё наиглубочайшее почтение. – Сенор Венти тщательно подбирал слова. – Но, являясь верным слугою моего короля, его величества Хабсбрада Меодорского, изрекшего своё слово, не могу подчиниться воле престола Долье. Если же род Деррано вздумает, в безумии своём, чинить непотребства на моих землях – ему будет дан отпор, да такой, что не скоро забудут!

– Я передам сии слова моему владыке, – бесстрастно ответил гонец, кланяясь и пятясь к двери.

– Папа, что же будет? – пристала Алиедора к мрачному, как ночь, отцу.

– Что будет, что будет... война, вот чего, дочка. Видать, давно и Хабсбрад, и Семмер ждали только повода вцепиться друг другу в глотки. Ох, чую беду... ну да надеюсь, до этого не дойдет. У Долье-то Некрополис за плечами, не осмелятся на нас всей силой лезть; а с наглецами Деррано, если что, мы и сами управимся.

«Управимся», – сказал отец. Расправил плечи и ушёл.

Алиедора если и встревожилась, то самую малость и совсем ненадолго. В конце концов, наступала осень, серфы корзинами волокли в замок грибы и ягоды, матушка командовала на кухне, поставив к огромным плитам всех без исключения поваров и поварят, варенье варили даже во дворе на кострах. Приезжали и уезжали сёстры, к незамужним хаживали «достойные молодые люди», устраивались пиры с музыкой и танцами... а Алиедора так и оставалась «женой дона Байгли Деррано», и долгожданный ответ от его высокопреосвященства всё не приходил и не приходил.

Серфы праздновали последний сноп – урожай в этом году выдался на славу, и даже прорыв Гнили в двух лигах от замка Венти никого особенно не напугал – случилось это достаточно далеко от селений, многоножки впустую пощёлкали челюстями, сожрав, как было донесено, «всего лишь» одного пастушка с отарой.

Всего лишь одного пастушка.

Алиедора радовалась вместе со всеми...

Осень, когда серфы закончат с жатвой, – время сведения счетов. Конечно, когда случались на берегах моря Тысячи Бухт большие войны, ничего в расчёт уже не принималось. Но мелкие ссоры до поры до времени решались именно так, «по-рыцарски», чтобы не наносить друг другу совсем уж тяжкого ущерба, после чего ссора могла перерасти и в настоящую кровную вражду, тянущуюся поколение за поколением.

Леса вдоль Роака ещё не сбросили листву, когда в замок пришла дурная весть – порубежная стража схватилась с отрядом вооружённых людей в цветах дома Деррано, перешедших пограничную Долье и «чинящих разорение» на землях рода Венти.

Нет, по залам и лестницам не металась перепуганная прислуга, не вопили женщины и не хватались за оружие мужчины. Это был замок Венти, здесь привыкли и не к такому.

...Отряд рыцарей и сопровождавших их конных стрелков длинной железной змеей вылился на дорогу, круто свернув к югу.

– Скоро вернёмся! – крикнул отец, поворачиваясь к застывшим возле ворот жене и дочерям. – Покажем этим наглецам, где Семь Зверей зимуют!

Остававшаяся дворня махала руками, многие служанки, кухарки и прачки ревели в три ручья – среди конных стрелков к Долье уходило немало их мужей и, как принято было говорить, «дружков».

Алиедора тоже махала платочком. Она, само собой, «дружком» не обзавелась, хотя среди молодых рыцарей, вассалов дома Венти, попадались очень даже миленькие.

Война – не женское дело, повторяла себе Алиедора. Не женское. Нам остаётся лишь ждать вестей – хороших, разумеется.

* * *

Деревня горела. Медленно, лениво, чадно – с ней это случалось уже не раз. Никто не крыл крыши соломой. Пламя словно нехотя лизало толстые брёвна стен, во многих местах уже обугленных предыдущими пожарами. Народишко, правда, разбежался куда шустрее, уведя почти весь скот и, к особому сожалению доблестных воинов рода Деррано, вывезя почти всю брагу.

Зато поживились назначенными к продаже корчагами отборного мёда, сотканными в данный урок холстами, выделанными кожами, рогами лесных оленей – всё это можно продать не без выгоды.

Дигвил Деррано с удовольствием оглядывал нагруженные добычей телеги. Конечно, королевские роты Меодора могут попытаться преградить им путь у парома, но с ними-то он, дон Деррано, всегда договорится. Ротники умирать-то не спешат. Небольшой кожаный мешочек с камешками, добытыми на принадлежащих его дому приисках, – и его величеству Хабсбраду Меодорскому уйдёт подробный доклад, что, мол, воры убоялись вида доблестных королевских рот и в панике бежали за реку.

Убоялись, убоялись... Пока что боится сам хваленый сенор Венти. Носа не кажет из своего неприступного замка.

Перед Дигвилом раскинулась широкая равнина, плавно понижающаяся к полноводной Долье. За спиной – поля, за ними лес, куда удрали трусливые серфы. Всё обычно, всё, как и должно быть. Вон скрывается в зарослях дорога, что ведёт к замку Венти, – придёт время, они прогуляются и туда. А пока – надо трогаться. Телеги медлительные, тягунов недостает...

– Эй, Байгли! Сколько ещё возиться будешь?! – гаркнул старший брат на младшего, возившегося в голове обоза. – Трогаться пора, пока из замка...

На дороге затрубили рога. Из-за леса один за другим появлялись всадники, сверкая сталью доспехов. На высоких и тонких пиках вились узкие прапорцы цветов дома Венти, попоны украшены гербами.

Дигвил сощурился и в свою очередь поднёс рог к губам.

«Ты оказался ещё глупее, чем я думал, старый дурак. Ишь, привёл сюда целое войско. Конные стрелки, рыцари твоего ближнего круга... давайте-давайте, скачите».

– Эй, Байгли. Не напирай в штаны, у нас гости, – едко ухмыльнувшись, Дигвил поправил шлем. У него за спиной строились всадники да гремели цепи на поспешно сцепляемых вместе телегах.

«Сейчас они остановятся, – думал Дигвил, презрительно кривя губы. – Начнутся разговоры, положенные благородным кодексом. Потом, возможно, вызов на «честный бой». Что я, не знаю этого выжившего из ума глупца, помешанного на рыцарской чести?»

Конный строй меодорцев разворачивался медленно, торжественно и неторопливо. Кони под парадными попонами, словно всадники собирались не в бой, а к торжественному королевскому ристалищу.

Как там Байгли, не помер ли со страху?

Воинам рода Деррано не потребовалось много времени, чтобы составить телеги треугольником, опустить тяжёлые толстые боковины и замкнуть цепи. Пусть теперь атакуют, в такую крепость не вдруг пробьются даже големы Навсиная.

Перед обозом выстроились конные ряды, копыта подняты. Деррано привёл с собой не рыцарей, более лёгкую кавалерию на отменных гайто, способных легко уйти, если надо, от тяжёлых и неповоротливых воителей в почти непробиваемой броне. Дигвил не мудрствовал

лукаво – когда эти болваны из Венти кинутся на него всей массой, его конница раздастся в стороны, а засевшие в вагенбурге стрелки смогут бить в упор. Куда более подвижные всадники Деррано смогут зайти меодорцам в спину, прижать к тележной крепости, и тогда...

– На выкуп тебе не хватит всех богатств рода Венти, – зло прошипел Дигвил.

В самом деле – как они смели не подчиниться, эти меодорские дикари? Не подчиниться владыке Долье, его величеству королю Семмеру. А ведь он, Дигвил, сперва опасался брата Дона генерального стряпчего, его родственных связей с кланом Венти; однако вышло с точностью до наоборот, его светлость очень гневался и сам – устно, разумеется, – заверил отца, сенора Деррано, что престол в Симэ посмотрит сквозь пальцы на сведение счётов с Меодором.

Ну, построились вы там наконец или нет? Ага, кажется, готовы. Не прошло и года, как говорится. Что теперь? Пафосные вызовы? Поединки один на один?

Однако широко развернувшийся строй меодорских всадников, против всех ожиданий, молча качнулся вперёд, гайто, хоть и уступавшие скакунам знаменитых конюшен рода Деррано, пошли ходко.

Надо же, молча поджал губы Дигвил, неужто Венти поумнел на старости лет? Впрочем, это ничего не меняет. Большую часть расстояния меодорцы покروют шагом, сберегая силы скакунов, перейдут на рысь только перед самой сшибкой.

Он знал, в вагенбурге сейчас вскинута сотня самострелов, несколько десятков аркебузов, за большие деньги купленных у навсинайцев под предлогом того, что Долье тоже как-то надо сдерживать хозяев живых мертвецов. От аркебузных пуль не спасут даже гномьи доспехи.

Широкий фронт меодорцев надвигался. Нет, всё-таки странно, отрешённо подумал Дигвил, ни тебе вызовов, ни словес... словно настоящая война.

Он уже был готов взмахнуть рукой, давая сигнал своим всадникам отхлынуть в стороны, когда резко взвыл распоротый воздух, от наплечника отскочила арбалетная стрела. Прилетевшая совсем не с той стороны, откуда ждал опасности будущий сенор Деррано.

...Меодорские всадники появились разом со всех сторон. Два отряда конных стрелков выскочили из-за лесных кулис, отрезая воинству Дигвила дорогу к реке. Вскинули самострелы, высоко задирая их вверх; болты взмыли, описывая высокие дуги, ненасытными кривоклювами падая сверху на беззащитный вагенбург.

Взвыли первые раненые, кто-то метнулся под телеги, спасаясь от губительного дождя, а кто-то – верно, самый умный – спешно бросился к лесу, пока смертельные тиски ещё не сомкнулись.

Дигвила прошиб пот.

– Байгли!

Но брат и так уже был рядом.

– Пошёл! Пошёл! Туда! – заорал старший Деррано, привставая в стременах и указывая на разрыв в сходящихся шеренгах меодорских всадников.

Вагенбург пусть управляется сам.

Конные стрелки сенора Венти провожали дерранцев стрелами, падали люди, спотыкались гайто, даже их броня не выдерживала удара закалённого стального острия; несколько всадников Дигвила повернули было, чтобы встретить рыцарей лицом к лицу, однако оказались лишь выбиты из сёдел, распластавшись под тяжёлыми копытами.

На составленные вместе телеги рыцари не полезли. Стрелки засыпали вагенбург арбалетными болтами, не утруждая себя поисками цели, а ответные редко находили жертву.

Отряд Дигвила успел доскакать до леса, прежде чем меодорцы замкнули кольцо. Лучшие воины уцелели. А обозники и пешцы... таких много.

* * *

Вестник примчался в замок, едва не загнав скакуна. Он не мог усидеть, он стоял в стременах, он вопил и размахивал свитком.

– Победа! Победа! Победа!..

... – Побили мы их, значит, и прогнали, – захлёбываясь, рассказывал гонец сбежавшимся домашним. – Многих поймали, тех, что в обозе засели. Они-то, как завидели, что ихние конные драпанули, упираться не стали. Кому раньше времени ко Зверям отправляться-то охота? Сенор их сюда гонит.

– А что ж с ними потом? – опередила всех Алиедора.

– А что ж потом? Вестимо, отпустим за выкуп. Что ж тут ещё придумаешь?

* * *

Дигвил Деррано стоял на коленях, низко опустив голову, не в силах оторвать взгляд от змеившихся по каменной плите трещин. Рядом, столь же коленопреклонённый, застыл Байгли. Поднять глаза на отца не рискнул ни один из братьев.

– Вы опозорили славное имя рода Деррано, – яростно гремело где-то в недосыгаемой выси над ними. – Вы бросили отряд. Бежали с поля боя. Трусы, а не мои сыновья.

Дигвил хотел возразить, но знал – ещё не время.

– А теперь этот подлец Венти рассылает по градам и весям издевательский пасквиль, высмеивая вас и понося моё имя! Над нами хохочут даже в Берлекооре! Не подают вида при встрече – но хохочут! Двести панцирников, столько же пешцев... разбежались! А Венти теперь требует выкупа за пленных! Угрожая продать всех на рудники Сабеано и Форшата! Ну, чего молчите, позор моих чресел?!

– Отец... – Дигвил не поднял взгляда, понимал – рано. – Отец, они напали предательски, не по-рыцарски... не вызвав никого на поединок, не сказав ни слова... просто напали, и всё тут...

– Ха! Просто напали! Кому рассказываешь, щенок?!

– Отец, я... я хочу сказать, что надо написать его величеству... Венти нарушил правила благородного боя...

– Ты хочешь, чтобы я опозорился ещё и перед коро- лём! – взревело в вышине, и Дигвил ощутил необоримое желание простереться ниц, плюхнувшись на пузо. – Нет, нет и ещё раз нет. Мы покажем этим жалким выскочкам, что такое гнев рода Деррано! Собирайте всех, всех вассалов. Откроем казну – нечего скупиться – и наймём всех, кого найдём достойного. Отправим гонцов в Доарн, там у нас тоже есть друзья. Скоро зима, надо торопиться. До снега я желаю въехать в замок Венти, пришпилив отрубленную башку этого наглеца, тамошнего сенора, к его собственным воротам! Ну, чего молчите?!

– М-мы готовы выполнить любой приказ, наш досточтимый отец, – выдавил из себя Дигвил.

– Нет уж. «Любого» вам теперь никто не поручит. Вы себя уже показали, бездельники, дармоеды! С войском я отправлюсь сам. А вы будете смотреть и мотать на отсутствующий ус!

– Да будет всё по воле твоей, батюшка, – пролепетал Байгли. – Но... что же с выкупом за наших?

– Ни одной монеты от меня Венти не получит, – отрезал сенор Деррано. – А своих мы выручить успеем. Вот увидите. Эх, эх, ну почему всё всегда приходится делать самому?!

* * *

Вернулся с победой отец, отшумел праздничный пир в просторном дворе замка Венти, уехали сытые и пьяненькие менестрели и бродячие музыканты, слегка поправив свои дела – сенор выказал небывалую щедрость, как и прочие знатные гости из ближних и дальних замков – Ликси, Артол, Иллидэ. Шуты изошрялись в остроумии, высмеивая опрометью бежавших с поля боя братцев Деррано; рекой лились вино и брага, поварята не успевали нанизывать на вертела куриные тушки.

– Теперь не сунутся, – на все лады повторялось за длинными пиршественными столами.

От праздничного обилия перепало даже пленным, коих, за неимением достаточно обширных темниц, пришлось держать в сенных сараях. Сенор Деррано отчего-то не спешил с выкупом, и отец Алиедоры заявил, что кормить их даром он не намерен, после чего погнал всех на работы. Простые пешцы, схваченные в обозе, не возражали – всё веселее, чем сидеть взаперти, да и в котле делалось куда гуще. Кое-кто из незнатных ратников помоложе и вовсе принялся перемигиваться с девушками замка Венти...

Правда, тучи на лице отца рассеялись лишь на время. Алиедору не пускали на военные советы, но что-то всё же просачивалось – доглядчики слали вести, что Деррано закусил удила, что собирает силы по всему Долье, что к нему присоединились наёмные дружины со всего королевства и что многие сеноры посылают к нему свои собственные отряды.

А потом в замок Венти пришло важное письмо – его отец Алиедоры, похоже, ждал с особым нетерпением. И теперь уже доньяту позвали в кабинет – вместе с маменькой.

Рядом с отцом стоял его доверенный секретарь, мастер Лейвен.

– Я писал, – безо всяких предисловий начал сенор Венти, – нашему родственнику, брадону генеральному стряпчому в Симэ. Просил защиты и покровительства, просил дать его величеству *нужный* совет. И вот бра-дон ответил.

Алиедора переглянулась с матерью, ухватила за её руку.

– Бра-дон весьма категоричен, – досадливо проговорил отец, и мастер Лейвен согласно кивнул. – Пишет, что его величество гневается, приняв «обиду» рода Деррано «как свою собственную». Ещё бра-дон извещает нас, что, если мы... если мы не вернём тебя, Алиедора, законному мужу, то удержать короля Долье от помощи «оскорблённому вассалу» не удастся даже ему.

У доньяты подкосились ноги, маменька сноровисто поддержала её под локоть.

– Это что же ты, муженёк, такое говоришь? – подбоченилась она. – Алю им отдать хочешь? Да как тебе такое в голову...

– Опамятуйся, женщина! – рявкнул отец. – Как тебе такое в голову могло прийти, что я собственную дочку этому изуверу второй раз вручу?!

– Прости, о муж мой, – опустила глаза маменька.

– Не про то речь, – буркнул отец, – чай, Аля не племенная кобылка, чтобы *отдавать*. А про то речь, что делать станем.

– Надо просить защиты у его величества Хабсбрада, – вставил мастер Лейвен.

– Невместно, – помрачнел Венти. – Одно дело от крючкотворства, от стряпческих дрызг, от того, чья подданная наша доньята – Меодора или Долье... и другое – к королю побитым псом бежать, когда дело дошло до благородного боя.

– Но, мой сенор, – возразил секретарь, – если Деррано собирают силы по всему Долье...

– Мы тоже соберём! – грохнул отец кулаком.

Однако мастер Лейвен только покачал головой:

– Богатства вашего рода, сенор, известны всем. Не сомневаюсь, многие в Долье поразвали рты на большую добычу. А Деррано?

– Тоже не бедняки, – буркнул сенор Венти. – Нечего с ними церемониться! А ты, – палец отца упёрся в Алиедору, – уедешь куда подальше.

– К моему брату, – тотчас подсказала матушка. – Считай, почти Доарн. Уж туда-то они не сунутся!

– Верно говоришь, – кивнул отец. – Вот и не теряйте время. И всех младших с собой берите. Тут им оставаться опасно.

* * *

...Вереницы конных переходили реку. Переходили ночью, когда обе Гончие утонули в плотном облачном море. Налегали на шесты, толкали тяжело гружённые плоты, рассекая холодные струи. В мелких лодчонках переправлялись пешие ратники. Не подавали голос обученные гайто, не брехали боевые псы в шипастых ошейниках, не звякало тщательно обёрнутое тряпками оружие.

Левый, меодорский берег встречал тишиной и пустотою. Рыбаки поспешили убраться подальше, деревушки опустели.

Дигвил Деррано гордо оглядел длинный строй, углублявшийся в меодорские земли. Это тебе не небольшой отряд, каковой ты можешь взять в кольцо. Пять тысяч отборного войска – не шутка! И свои вассалы, и отряды кланов Берлеа, Илтеан, даже Эфе и Аджете! И наёмные полки Веркоора. И вольные охотники с Реарских гор...

Ну, держись, Венти!

Шли быстро и сторожко, не тратя времени на разорение попадавшихся деревень. Королевская рота Хабсбрада преградила было путь, однако её командир очень удачно оказался вполне понятливым человеком, не пожелавшим вступать в благородный спор двух уважаемых семейств.

Копыта попирали чужую землю. Замок Венти приближался.

* * *

– А-а-а!

Алиедора подскочила, сев в кровати и недоумённо моргая. Сон не хотел отпускать, цеплялся за веки мягкими лапками мелкого шерстистика; но уже впивался ледяными клыками ужас, будил, вырывая из такого уютного и, казалось бы, безопасного беспамьяства.

– А-а-а-а!! – вопили и визжали за дверьми.

Затрещали створки, ввалилась нянюшка с парой служанок, у каждой глаза что блюдца.

– Деррано! Напали, а-а-а, ночью, напали! Бьются наши, батюшка бьётся! А тебя, доньята, велено в тайник, немедленно, скорее!

Ноги не держали, пальцы не могли просунуть пуговицу в петлю. И – точно! – сквозь двери и окна всё явственнее доносился яростный звон сшибающихся мечей.

– Ахти, ахти, Звери всемилостивые, спасите и обороните, – шептала нянюшка, пока обе служанки, горестно завывая, призывали на помощь Ома Прокреатора.

Алиедора не помнила, как её тащили по залам, как спускались всё ниже и ниже; коридоры сделались узки и тёмны, кое-где капала вода.

...А где-то далеко и высоко шёл бой. Шёл бой, и Алиедора холодела – нет, не от страха, а от неведения. Она ведь, в конце концов, тоже кое-что повидала, кое через что прошла – одно капище Семи Зверей вспомнить!

И не всегда она носила эту длиннющую юбку, не всегда мела полы подолом. Тогда на ней были кожаные штаны и куртка, а в руке – тяжёлый, неудобный, но острый тесак.

...Прошедший насквозь хрящи и мясо того громили в «Побитой собаке»...

– Тише, тише, доньята, тише, Аличка... – тряслась нянюшка.

Ну конечно, отец их прогонит, повторяла себе Алиедора. Не может не прогнать. Но...

«Я помню свист ветра и хлещущие по лицу ветви. Помню капище, помню «Побитую собаку» и лопнувший пузырь Гнили, поток отвратительных многоножек. Я уже не прежняя слабая и изнеженная, – повторяла себе доньята. – Я смогла за себя постоять. Я смогу...»

Что ты сможешь? На равных сражаться с мужчинами? Не глупи, доньята. Может, ударить в спину и сможешь, но не больше.

Вот и последний каземат, няня повернула ключ в замке.

– Сидим здесь.

– А где остальные? Мама, сестрички? Братья?

– По другим местам, – отозвалась старушка. – Мне донья велела только тебя спрятать, ласточка. Потому что Деррано эти нечестивые только за тобой и гоняются, только тебя им и надо.

На этот счёт Алиедора имела собственное мнение, но чего сейчас его высказывать?

– Случись чего – вот эту крышку откинем и дальше полезем, – указала няня на чуть ли не вросший в пол деревянный круг с позеленевшей от времени ручкой.

– К-куда, матушка Арсимэ? – пролепетала одна из служанок.

– Куда – тебе, сорока, пока знать не след, – отрубил старушка. – Сиди тихо.

Они сидели. Сквозь толстые своды не пробивалось ни звука, только едва слышно потрескивала свечка.

– А сколько ж нам так сидеть, няня? – не выдержала Алиедора.

– Пока не скажут «вылезай», – лаконично парировала та.

* * *

Дигвил Деррано стоял с обнажённым мечом в руке, чувствуя себя очень скверно. Конечно, надеяться на то, что вести о наступлении его отряда не дойдут до старого Венти, было бы глупо, но такого отпора Дигвил не ожидал.

Хотели взять с налёта, тащили с собой заранее срубленные лестницы; и полезли вроде бы лихо, перевалили через зубцы, захватили целый кусок стены справа от ворот, но на этом все успехи кончились. Из башенных бойниц густо летели меткие стрелы – словно не люди там засели, а настоящие сидхи. Спуски со стен во дворе крепости, оказалось, у сенора Венти перекрывались толстенными решётками, а тех, кто спрыгивал, ждали длинные копыя тесно сбившей щиты пехоты. До зари оставалось ещё немало времени, а уже становилось ясно, что взять замок штурмом не удастся. Далеко не все из пришедших вместе с сенором Деррано горели желанием геройски сложить собственную голову под мечами отчаянно отбивавшихся меодорцев.

Молодой дон Деррано ничего не замечал вокруг себя – ни мягкой и непривычно тёплой осенней ночи, яркой, безоблачной; ни словно застывших Гончих, ни крупных бриллиантовых звёзд.

Надо отзывать штурмующих, думал Дигвил. Неужто отец этого не понимает?

Нет, старый сенор Деррано всё видел и всё понимал. Осаждавшие отхлынули назад, оставляя под стенами убитых и раненых. Им в спину неслись торжествующие возгласы и глумливые насмешки защитников.

Сам глава рода Деррано застыл каменной статуей, не поднимая шлемного забрала. Вокруг толпились начальники отдельных отрядов, знатные рыцари, предводители наёмников – целое множество. Все ждали его слова.

– Ничего! – прокаркал сенор Деррано, обведя соратников взглядом. Высокий, сухой и жилистый, он напоминал старое дерево, выросшее в глухой чаще. Чёрные доспехи безо всяких украшений, даже без гравировки, и длинный двуручный меч, которым отец владел всем на зависть, несмотря на годы. – Ничего! Что не взяли в замке, восполним по окрестностям! Разорить всё! Никого не жалеть! Молодых парней и девок – ловить и в полон! Продадим в Веркооре. Да и не усидит Венти за высокими стенами, как увидит, что делается. Вылезет! А тут мы его и...

– А ну как меодорские роты подспеют? – заметил кто-то из кондотьеров. – С ихним королём драться – нам это надо?

– А что, не побьём? – задиристо бросил Байгли.

– Побить-то побьём, молодой дон Деррано, – ухмыльнулся наёмник. – Да только на замок Венти пойти – это одно, а с его величеством переведаться – совсем другое. Если, конечно, молодой дон понимает, о чём я говорю.

– Молодой дон всё понимает, – оборвал кондотьера сенор Деррано. – А чего он не понимает, то я ему разьясню. С королём Хабсбрадом никто драться и не намерен. До этого дело не дойдёт. Да он и сам, – усмешка, – всё понимает. По моей нижайшей просьбе наш суверен, его величество Семмер, явил нам свою милость, отправил в Меодор послание с королевской просьбой не вмешиваться в дела чести благородных сеноров.

Окружавшие старшего Деррано рыцари встретили известие одобрительными взглядами.

– Но и рассиживаться у стен Венти нам не след, – объявил хозяин Деркоора. – Не теряя времени, с рассветом идём в зажилье. Землю сотворить пусту! Пусть Венти поймёт, что за стенами ему не отсидеться. Да, и главное – вы, все! Зорить позволено только землю рода Венти. Упаси вас Ом тронуть хоть колосок в королевских владениях, потому что тогда вас и все Семь Зверей не спасут.

* * *

Конечно, за ними пришли. Усталый ратник в помятом шлеме и с наскоро перевязанным лбом. Над замком поднималась заря, и Алиедора, улизнув от бдительного ока няни, скинула мешавшую юбку, чуть поколебавшись, натянула те самые кожаные штаны, зашнуровала куртку и спрятала волосы под берет. Испытанный тесак сам оказался на поясе.

С надвратной башни открывался вид далеко окрест – на лагерь осаждающих, на окрестные сёла, на быстрый Роак. Едва глянув, Алиедора охнула, а пальцы до боли вцепились в рукоять тесака.

Горизонт испятнано дымами. Горело на севере и востоке, полыхало на юге и западе; клубящиеся столбы подпирали безветренное небо, плоскую синеву, показавшуюся Алиедоре в тот миг настоящей крышкой гроба.

– Что... что это такое? – простонала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А это, доньята, люди сенора Деррано наши сёла жгут, – мрачно отозвался немолодой уже лучник со знаком десятника на рукаве. – За ночь рассыпались, растеклись, что твоё половодье. Теперь лютуют... обозлились, что по зубам от нас получили. Вымещают на серфах, у тех ведь ничего, кроме дреколя.

– А что же мы?!

– А что мы, доньята? Ждём батюшки вашего слова. Что сенор скажет, то нам и сполнять.

Алиедора простояла на башне до вечера. Видела, как в лагерь стали возвращаться конные отряды Деррано, как гнали скот, как вели пленников – словно напоказ, словно хотели похвалиться добычей перед осаждёнными.

«Что же мы медлим, – терзалась доньята. – Почему папа не выведет войско, почему не ударит по этим негодьям? Почему терпит эдакое унижение?!»

– А чего ж тут поделывать, доньята? – вздохнул всё тот же десятник. – Я с сенором нашим хаживал не раз и сказать могу, что храбрости у него на десятерых хватит. А только сегодня сила их, не наша. Эвон сколько собралось, почитай, лихой люд со всего Долье. И кондотьерские значки, и прапорцы благородных сеноров. Только королевского штандарта не хватает.

– А наш король? Его величество Хабсбрад? Почему нам на помощь не идёт?

– Идёт, уверен, что поспешает король, доньята. Суров наш Хабсбрад, не любит, когда на меодорских землях чужие непотребство творят. Оттого так Деррано и торопится собрать добычу, покуда королевские роты не подоспели. Может, этого наш сенор и ждёт – подхода королевской помощи.

– Так ведь пока она пришагает, они ж вокруг всё пожгут!

– Не без того, благородная доньята, так ведь серфы – они привычные. Уверен, по лесам разбежались да скотину увели... кто успел...

– Не все успели, – скривилась Алиедора, указывая на уныло влачащиеся цепочки пленников.

– Не все, – пожал плечами десятник. – Только так ведь всегда случается, благородная доньята. Кто поумней – тот в лесу и жив, а кто зад поленился от лавки оторвать – того в колодки забили.

– Их надо освободить!

– Надо... кто б спорил, что надо. Да только не хватит у нас сил. Я простой десятник, а и то разумею. А уж ваш батюшка, благородный сенор, коему я не один год служу, – и подавно то видит. И коль не делает, значит, на то причины имеются...

Причины имелись. Вечером на двор замка упала плотно обмотанная свитком стрела, и Алиедора узнала, что благородный и досточтимый сенор Деррано милостиво соглашался простить обиду и даже отпустить часть пленных, если не менее благородный и досточтимый сенор Венти, с коим его, сенора Деррано, связывала некогда крепкая дружба, согласится немедленно выдать молодому дону Байгли Деррано его законную супругу донью Алиедору Деррано. Разумеется, часть пленных и скота сенор Деррано удержит – как возмещение претерпленного его родом убытка.

Отец не рычал, не топал ногами. Просто бросил письмо в огонь и поднялся.

– Я дочерьми не торгую и на серфов не меняю. Вставайте, господа рыцарство. Идём на вылазку.

* * *

– Неплохо, сын мой, очень неплохо, – сенор Деррано разок хлопнул Дигвила по плечу. – Добыча многократно перекроет протори.

– Добыча? Отец, но мы ж взяли...

– Много скота, да, но главное – живой товар. – Сенор наставительно поднял палец. – Учись, сын мой, пока я жив. Нет более прибыльной торговли, чем торговля рабами. А уж взятыми на войне – тем более. Нам на рудники требуется пополнение, а остальных с большой прибылью продадим. За вычетом должного донатия в королевскую казну и платы наёмникам – всё равно остаёмся с немалым барышом.

– Я всё понял, батюшка, – почтительно склонил голову молодой Деррано.

– То-то, что понял... Где Байгли? Почему носа не кажет?

– Э-э-э... – замялся Дигвил. Где его младший брат – он знал точно. Выбрав из пленниц одну помоложе, Байгли приволок несчастную в свой шатёр, где сейчас свистели розги и раздавались сдавленные – от вбитого в рот плотного кляпа – стоны.

Младший Деррано получал давно откладываемое удовольствие.

– Опять плёткой размахивает, – хмыкнул отец. – Эх, молодость, молодость! Вот почему нам с тобой ничего подобного не надобно?

– Не могу знать, батюшка, – почтительно отозвался Дигвил.

– Ответа я и не ждал, – заметил сенор. – Вот только...

Последние слова заглушил яростный звон столкнувшейся стали.

* * *

Алиедора видела, как это случилось.

Тяжёлые створки распахнулись настежь. Со стен густо полетели стрелы и арбалетные болты, а из отверстого зева ворот вырвался железный поток отцовских рыцарей. Копыта прогрохотали по сброшенному опускному мосту, всадники опрокинули не успевших сомкнуть ряды копейщиков и рвущим и ломающим всё на своём пути клином вонзились в самое сердце вражьего лагеря.

Горло Алиедоры сжал небывалый, неведомый досель восторг. *Наши* брали верх, наши давили!

В стане дерранцев падали факелы, вспыхивали пологи шатров, вопили люди, задирая головы, хрипло ревели гайто. Алиедора едва не вывалилась из бойницы, стараясь рассмотреть все подробности.

Где-то там сейчас и отец, где – в темноте не разобрать. Падают один за другим штандарты дерранцев, подалась назад их пехота, оно и понятно, силком забранным в войско серфам какой резон помирать? Упёрлись кондотьеры, эти дерутся за свою особую «честь», какую благородная доньята никогда не умела понять.

Но рыцари Венти секут мечами, топчут копытами, пронзают пиками, у кого они ещё остались. Все, кто мог, бросились на осаждавших. Замок Венти опустел, в воротах сгрудились пешие воины, составив щиты сплошной стеной и ошетилившись копьями – им держать вход до того, как отец Алиедоры не решит повернуть обратно.

– Наша берёт, наша! – не выдержав, завизжала в неистовом восторге Алиедора. – Это тебе, Байгли, за твою плётку, погулявшую по моей спине!

В лагере осаждавших воцарился полный хаос, и стало совершенно невозможно разобрать, кто с кем сражается и на чьей стороне удача. Схватка то отодвигалась от ворот замка, то вновь надвигалась – и тогда пешие воины крепче сбивали ряды и нагибали копейные древки.

Но рыцари сенора Венти вновь опрокидывали дерранских наёмников, и щетина пик поднималась.

– Ну что же вы, что же?! – горячо шептала про себя Алиедора вместе с горячими мольбами, посылаемыми всесильному Ому Прокреатору. – Добивайте! Добивайте! Додавите ж их!

В лагере осаждавших жарко пылали подожжённые шатры, метались перепуганные скакуны – и всё-таки сражение медленно, но верно ползло ближе к замку.

– Ой, ой, ой, – прижимала ладони к пылающим щекам доньята. – Ой, ну что ж это, что ж это такое? Семь Зверей всемогущих, что же это такое?!

Упираясь, выставив копья, рыцари отступали, оставив за собой пылающий лагерь. Железная змея втягивалась обратно, лишившись, увы, многих живых чешуек – верных воинов, оставшихся там, у пылающих пышных шатров, вперемешку с людьми, явившимися

сюда под знамёнами клана Деррано и точно так же обречёнными теперь лечь в эту же самую землю.

Поднялся мост, закрылись ворота. Во дворе рыцари устало слезали со скакунов, прислуга подхватывала изрубленные щиты и надтреснутые копья.

Алиедора ринулась вниз, глазами отыскивая отца; и обмерла, когда поняла, где он – тяжело обвисший на руках оруженосцев, в окровавленных доспехах...

Доньята при всём желании бы не протиснулась сквозь ряды закованных в железо мужчин, обступивших сейчас раненого сенора; она просто оцепенела, безмолвно наблюдая, как отца вели по высоким ступеням, как выскочил и засуетился вокруг него мэтр Диджорно, как захопотал фра Шломини...

«С папой всё будет в порядке, – как заклинание, твердила Алиедора. – Ведь он жив, он не умер и уже, конечно же, не умрёт!»

...Всю ночь в замке Венти не гасли огни. Под дверьми сенорской опочивальни толпились и слуги, и рыцари, забыв сейчас о сословных границах. Таскали чаны с дымящимся кипятком, мэтр Диджорно, устало растирая красные от бессонницы глаза, составлял какие-то настойки; фра Шломини без усталости читал все «благодетельные и споспешествующие выздоровлению болящего» молитвы.

Защитники замка на стенах только горестно качали головами да покрепче сжимали древки.

* * *

Наутро сенор Деррано с обоими сыновьями мрачно обозревал последствия ночного боя. Лагерь выгорел на три четверти, в огне погибло немало припасов, вдобавок эти проклятые меодорцы прорубились-таки к загону с живой добычей, и большинство рабов успело разбежаться. Кое-кого повезло поймать и повесить вверх ногами для вящего вразумления остальных – но этих «остальных» можно было пересчитать по пальцам.

Дигвил и Байгли держали языки за зубами – когда отец в таком настроении, ему лучше не попадаться.

– Одни убытки, – рыкнул сенор, ни к кому в отдельности не обращаясь. – Дигвил! Возьмешь сотню конных и – на север. Байгли! Ты тоже – и на юг.

– Там уже всё метлой подмели, батюшка, – дерзнул заметить старший сын.

– Дальше идти придётся, – буркнул достойнейший сенор. – Где ещё не тронут.

– Батюшка, но там ведь... земли иных сеноров. Если не королевский домен, – осторожно напомнил Дигвил.

– Ничего. Наш король нас тоже в обиду не даст, – многозначительно оборвал сына хозяин Деркоора. – Так что не спите, сыны мои, в седло – и в путь. Да помните, что более всего нам нужны люди. Люди, а не скотина.

* * *

Дигвил Деррано удовлетворённо покосился на жарко пылавшую деревню. Она принадлежала уже совсем другому сенору, отнюдь не Венти, и потому серфы там – разумеется, по природной своей тупости, не преминул отметить молодой дон, – не ожидали нападения и даже не подумали разбежаться.

За что и поплатились.

Позади горели дома, а по дороге брела подгоняемая увесистыми тумачами длинная вереница наскоро повязанных пленников.

Всё шло просто отлично.

До того самого момента, когда за спиной Дигвила резко и зло завывли рога, а над дорогой взметнулись многочисленные штандарты и прапорцы, предваряя которые плыло широко развернувшееся знамя с горным саблезубом Меодора.

Королевские роты наконец-то подоспели на выручку осаждённому.

Дон Дигвил всегда отличался немалой рассудительностью. Вот и сейчас храбрый дон привстал в стременах, осипшим от внезапного (но такого объяснимого) волнения голосом велев своим конникам бросить пленных и на всём скаку уходить прочь, к главным силам сенора Деррано.

* * *

Алиедора не помнила, когда её сморил сон. Она прикорнула в углу, на жёстком сундуке, дав себе слово «поспать лишь самую чуточку». Однако, открыв глаза, доньята обнаружила, что утро уже давно наступило и по застилавшим полы коврам ползут яркие солнечные пятна.

– О-ох!

«Не торопись», – вдруг прошелестело под потолком, словно голос шёл откуда-то с небес.

«Не торопись», – подхватили глубины земли, низким, но не слышимым никому, кроме доньяты, басом.

«Не торопись», – встряла и вода во рву – на два голоса.

Потом то же самое прошелестели деревья, трава и камни, вольные ветра и невидимые днём звёзды.

Алиедора замерла, словно налетев на стену. Горло сдавило судорогой, на глаза сами навернулись слёзы.

Она всё поняла, ещё никого не увидев и ничего не услышав.

Папы, отца, сенора Венти – не стало этой ночью.

Разум было трепыхнулся: «Да откуда ты знаешь?! Беги, дура, спроси! Может, всё совсем не так!» Однако доньята только покачала головой, даже не пытаясь утереть потоком льющиеся слёзы.

И так, шатаясь, незряче брела по коридорам, пока не натолкнулась на так же, как и она, тихо плачущую нянюшку.

Коленки у Алиедоры подкосились, и она сползла на пол.

Папы больше нет. То есть он есть, просто больше не с нами. Он, конечно же, сейчас уже возле самого Ома Прокреатора. Или...

Или душа его замерла сейчас на обочине тёмной дороги, где огромными скачками несётся Сфинкс, золотистая грива, словно пламенный шлейф; в серых бессолнечных небесах парит, широко раскинув огненные крылья, оранжевый Феникс; а на самой дороге, бесконечной вереницей – сонм жемчужно-серебристых призраков: это души мёртвых, покинувшие обречённые тлену тела и ставшие частью Великого Воинства.

Сфинкс впереди, Единорог позади, словно исполинский живой адамант. Дорога пролегла прямо, широченная, ведь ей надо вместить все души, когда-либо жившие в мире Семи Зверей; она ведёт к неведомым морским безднам, где над чёрною пучиной, не имеющей ни дна, ни берегов, скользят изгибы Морского Змея, а из неизмеримых, непредставимых слабым человеческим разумом пространств поднимется, зловеще шевеля щупальцами, исполинский Кракен. Где-то вдали от безжизненного обрыва над тёмным океаном вздымаются фонтаны – то дышит, извергая потоки воды, мрачный властитель морской бездны, великий Левиафан.

Шествие душ закончится там, на пустых гранитах; с резким воплем отпрыгнет в сторону Сфинкс, Водитель; заржёт, вскидывая голову, Единорог, Гонитель; из плотных облаков

вырвется алый, как молодая заря, Грифон, пронесётся над новопреставившимися, роняя с крыльев капли пылающей крови.

Труссы, мягкосердечные рохли, кто не знал, с какого конца братья за меч, – сгорят, и ждёт их дорога бесчестья – вниз по узким тропам к морю, где будут их хватать щупальца Кракена, обвивать тело Морского Змея, и повлекут в глубину, где нет света и дыхания и только долгая мука – пока не искупится вина.

Кто был при жизни смел, кто дерзал и шёл наперекор, кто не отступал и не сдавался – те пройдут сквозь пламя Грифона, и оно не причинит им вреда. Их ждёт иной путь: стать частью Великого Воинства и двинуться следом за Фениксом сквозь пласты и планы бытия, туда, где есть достойное дело умеющим держать меч и бесстрашно идти в бой. Может, там они вновь облекутся плотью, может – нет, станут духами битвы, способными испытывать и страх, и боль, потому что в том, неведомом, они тоже могут погибнуть, и тогда уже – поистине невозвратной смертью.

Алиедора плакала. Взгляд затуманился от слёз, и это было хорошо – они, словно магические линзы, позволяли смотреть сквозь плоть мира, так, что где-то на самой грани доступного взору открывалось само Великое Древо и окружающий его мягкий голубоватый сумрак, наполненный мириадами блуждающих огоньков.

Примите родителя моего, всемогущие Звери. Пусть ему будет весело биться в вашей нескончаемой войне...

Словно слепая, она брела, натываясь на стены, опрокидывая тяжёлые стулья и даже не чувствуя боли. Нянюшка где-то потерялась, Алиедора сама не заметила, как вновь оказалась на стенах, почему-то заполненных народом.

Весёлым народом, народом ликующим и чуть ли не пляшущим.

Осаждавшие бросили собственный лагерь, последние всадники спешили убраться восвояси вслед за главными силами неудачливого войска – а по большой дороге с гордо развёрнутыми знамёнами маршировали королевские роты Меодора.

Хабсбрад пришёл на выручку верному вассалу.

Спотыкаясь, Алиедора побрела вниз, к воротам – её вел инстинкт благородной доньяты, обязанной встречать сюзерена...

* * *

В пиршественном зале замка Венти шумела тризна. Слуги сбились с ног, таская на столы благородным рыцарям тающие с пугающей скоростью запасы. Винным бочкам вышибались днища, вопри жарились целиком на вертелах.

Его величество, знаменитый ростом, статью, широченной рыжей бородой и неумеренным аппетитом, не уставал поднимать огромный золотой кубок – в память доблестного сенора Венти, его давнего соратника и верного вассала; за прекрасную хозяйку замка, чья горе не убавило гостеприимства в сих стенах; за сыновей и дочерей павшего на поле брани сенора, чья обида будет – да-да, верно королевское слово! – будет вскорости отомщена сторицей.

– Ибо мы не остановимся! – гремел король, стуча кубком о стол так, что трещали доски. – Ибо мы пойдём дальше, за Долье, дабы кровью смыть обиды и возместить потери, понесённые моими добрыми подданными! Деррано заплатят, клянусь моей бородой и памятью сенора Венти, о, они заплатят стократ! Не успокоюсь, пока не вздёрну всю их семейку вверх ногами – как они поступали с моими меодорцами – на башнях их собственного замка!

Король пил и не пьянел, от него старались не отставать другие благородные сеноры и доны, хотя далеко не все отличались такой же устойчивостью к винным чарам, кое-кто уже отправился в недалёкое путешествие под стол, где мирно сейчас и похрапывал.

Алиедора едва заставляла себя держаться прямо. Она не слышала полупьяных голосов, неудержимой похвальбы и иного, без чего немислима благородная рыцарская попойка.

Папы нет. И она осталась – по-прежнему – мужней женой донна Байгли Деррано.

Наверное, она произнесла это вслух – потому что его величество благосклонно наклонился к ней:

– Не беспокойся, прекрасная доньята.

– Как же мне не беспокоиться, ваше величество? – пролепетала Алиедора, поспешно кланяясь. – Ведь я замужем, согласно закону...

– Согласно закону да, – вздохнул король.

– Но не могли бы вы, сир...

– Не мог бы! – отрезал Хабсбрад. – Что скреплено церковным законом, лишь церковным же иерархом разрешено быть может. Только его высокопреосвященство...

– Но он молчит, сир...

– У господина кардинала свои резоны, – ухмыльнулся рыжебородый король. – А у меня, доньята, свои. И, не будь я Хабсбрад, честное слово, если не освобожу тебя от постылого брака самым простым и доступным мне способом.

– К-каким же? – захлопала глазами Алиедора.

– Сделав тебя вдовой, ха-ха-ха! – захохотал король, уперев руки в бока. Его поспешили поддержать окружающие.

– Сделать донью вдовой, ух-ох-ох!

Алиедора опустила голову. Только сейчас она задумалась, хочет ли она на самом деле смерти несчастного дурака Байгли?

– Сделать донью вдовой! – покатывались рыцари.

Нет, вдовой она если и станет, то исключительно по собственной воле.

«Верно», – прошумели небеса.

«Верно», – плеснуло что-то во рву.

«Правду речёшь», – донеслось из-под земли.

«Я пойду с ними, – вдруг подумала Алиедора. – Я пойду с ними и сама призову Байгли к ответу. В конце концов, жена я ему или не жена?»

...Рыцари пировали всю ночь. Потом отсыпались весь день. И всю следующую ночь. И лишь на второй день, продрвав глаза, меодорское воинство неспешно двинулось дальше.

...И на редком, чёрном как ночь гайто следом за ними ехала тоненькая девушка, которую, правда, сейчас мало кто бы признал: Алиедора безжалостно обкорнала роскошные выющиеся пряди. Конечно, не обошлось без слёз, но зато теперь, натянув берет, она вполне сошла бы за молодого пажу или сквайра при знатном рыцаре.

Маменьке она оставила короткую записку:

«За своё бесчестье отомщу сама».

Глава 4

Меодорское войско шло весело, не утруждая себя скрытностью перемещений. Сёла так и гудели от новостей, пострадавшие после набега дерранцев серфы наперебой рассказывали друг другу о блестящих рыцарях и великолепных скакунах, что направлялись на юг, отомстить за нанесённые обиды.

Алиедоре не стоило большого труда двигаться следом. На сей раз она подготовилась куда основательнее. Как и всякую девушку благородного происхождения, её обучали обращению с оружием, жаль только, никогда не допускали до хоть сколько-нибудь «настоящих» схваток, пусть даже на тупых деревянных мечях. Она училась отбивам и ударам, но исключительно с воображаемым противником. Сложные передвижения и проделываемые клинком «фигуры», как называл их мэтр Диджорно, «способствовали напряжению воли и тела», но не более того.

Наученная горьким опытом, она знала, куда не следует соваться. Никто из тех, кто протягивал ей краюху хлеба или поил её жеребца, ничего не заподозрил. Она старалась говорить поменьше, а голос делала пониже. Ну и свободная куртка в сочетании с туго затянутой грудью довершали дело.

От Венти в Долье попасть можно было многими путями. Например, отправиться на восток, приречным трактом, до пограничной крепости Ликси, где имелся даже мост на ту сторону, к замку Аджекоор; или двинуться на юг, к Иллидэ, или же на запад, к Последнему мосту во владениях клана Солле.

Король Меодора не мудрствовал лукаво. Он выбрал путь через всё тот же Берлекоор.

Шли через разорённые и выжженные земли. Наёмники Деррано повеселились здесь на славу – дома кое-где раз-мётаны по брёвнышку, в деревнях остались только старики, старухи да совсем малые дети, кого живыми не довезти до рабских торжищ. Остальных угнали в полон.

Король не торопился. Армия Деррано отягощена обозами, караванами бредущих невольников; от меодорского войска ей не уйти, только если бросить всю добычу. Хабс-брад не сомневался, что ему удастся настичь отступавших наёмников. Отъевшийся и отдохнувший в стойлах родного Венти жеребец Алиедоры играючи оставлял позади лигу за лигой.

Что сейчас творится дома, доньята старалась не думать. В конце концов, о маменьке есть кому позаботиться, она, Алиедора, не единственное дитя. Есть кому принять титул сенора Венти, есть кому подать дельный совет. «Я там не нужна, – убеждала она себя. – Папа погиб из-за меня – мне за него и мстить. И, клянусь Семью Зверьми, я отомщу!»

Она даже не заметила, как, почти забыв об Оме Прокреаторе, вспоминала сейчас лишь семь древних сил, прося у них защиты и подмоги. Ведь один раз они уже помогли! Помогли, кто бы что ни говорил!

Отчего-то доньяте представлялось донельзя важным – самой покарать Байгли, чтобы, если уж Семь Зверей положили ему умереть, он погиб от её собственной руки. Да, она умеет. Да, она убила человека – того самого громилу в «Побитой собаке», потому что не надо себя обманывать – рана была смертельна, предел человеческой жизни положила именно она, благородная доньята, а вовсе не многоножки Гнили.

Войско меодорского короля шло широко, перехватывая небольшие отряды дерранских наёмников, у кого жадность взяла верх над осторожностью. Главные силы дольинцев отступали, пытаясь укрыться за рекою – хотя Алиедора слышала у походных костров, что его величество Хабсбрад Рыжебородый не собирается останавливаться на берегу Долье, что принял обиду и смерть своего верного вассала словно обиду и смерть собственного отца и что месть его не окончится на какой-то там приграничной реке.

Король не бросал слов на ветер: его роты имели в запасе всё потребное для быстрой переправы. Хабсбрад словно бы даже хотел, чтобы войско сенора Деррано ускользнуло в свои пределы – так представился бы отличный повод последовать за ними.

Через реку Алиедора перебралась уже ночью, вместе с последними отрядами меодорцев; никто не обратил внимания на молодого сквайра в добротной одежде; если кто и косился, так на жеребца, а не на его хозяина.

Снова в Долье – когда-то Алиедору привезли сюда испуганной девочкой, определив воспитанницей в чужую семью. Тогда её очень поддержала донья Деррано, сама прошедшая такой же путь; незлая, она жалела гордую меодорку, так старавшуюся не показывать никому собственных слёз.

«Но теперь всё по-другому. Теперь я отплачу – за всё, за всё». За плети Байгли, за собственный ужас и бессилие, за солёные слёзы, неудержимо катившиеся по щекам; за мольбы, только распалывшие вошедшего в раж муженька.

Конечно, было и многое до этого. Презрение Дигвила Деррано, не слишком старательно укрытое вежливыми по форме словесами. Похлопывания по филейным частям от самого сенора Деррано. И... и...

Алиедора с маниакальной настойчивостью вспоминала всё: мельчайшие обиды и унижения. Очень скоро ей будет кому предъявить счёт. Очень скоро. Совсем скоро – как только победоносное воинство Меодора обложит мрачный Деркоор.

Армия Хабсбрада Рыжебородого маршировала по Долье. Алиедора благоразумно не лезла в первые ряды – что ей там делать, почти безоружной, с одним лишь лёгким мечом, вернее сказать – мечиком у пояса? Конечно, самострел штука верная, и бьёт она из него неплохо, но в настоящей заварухе толку от него почти никакого.

Заря старалась, разукрашивая восточный край неба, а чьи-то невидимые кисти уже перечеркнули алое длинными дымными полосами. Впереди пылали пожары, их дуга расходилась всё шире.

Рыжебородый перешёл Долье во владениях клана Берлеа, и многочисленные рыбацкие деревушки вкуче с селениями пахотных серфов мигом сделались добычей пламени.

...Мимо первого такого селения Алиедора проехала, когда солнце уже поднялось, разогнав утреннюю мглу.

Рухнувшие венцы ещё не успели остыть, над горами углей курился дымок. Прямо поперёк дороги лежал зарубленный мохнатый пёс, пасть распахнута, клыки оскалены – он доблестно бросился защищать хозяев и погиб, не отступив ни на шаг.

Гайто Алиедоры захрипел, мотая головой и не желая идти вперёд. По обе стороны дороги громоздились безобразные груды рухнувших бревён, закопчённые печи – и мёртвые тела, уже облепленные не по-осеннему наглыми и бойкими мухами.

Люди, тягуны, шерстистики – все вперемешку, все мёртвые.

Алиедора оцепенела. Не в силах моргнуть, она медленно ехала сквозь кладбище, и жеребец её ступал как никогда бережно, точно боясь потревожить прах.

Здесь полегли простые серфы-долынцы, податной народ сенора Берлеа; годных к работе мужчин и женщин по-хозяйски, вместе с детишками, угнали; «отживших своё» стариков просто перебили. Не мучили, нет – просто уничтожили, словно крыс.

Почему? Как так? Ведь подобное могут сотворить только дерранцы, нелюдь, гады и негодяи! Мои сородичи-меодорцы, сражающиеся за свою родную землю, – никогда! Это наверняка дело рук какого-нибудь отбившегося полка наёмников, коих щедро набирали на службу в Деркооре...

Она старательно пыталась обмануть себя и почти преуспела – пока не натолкнулась на пропоротое вилами тело мёртвого пехотинца в цветах королевских рот Меодора. Его при-

шпилило к бревенчатой стене, да так, что босые ноги (на сапоги кто-то уже позарился) не касались земли.

– Нет-нет, – поспешно забормотала Алиедора, отворачиваясь и зажмуривая глаза. – Это не так. Это не они. Он, он... конечно же, он просто защищал серфов...

«А вилы?!» – ядовито осведомился внутренний голос.

– А вилы м-мог схватить любой наёмник... – слабо сопротивлялась она.

«Перестань, не дура, чай!» – прикрикнул всё тот же незримый собеседник.

Доньята кое-как выбралась из опустевшего селения. Кучку домишек на самом краю, за широкой, наполненной водой канавой, где плескались безразличные ко всему жирные нелетучие нырки, огонь пощадил. Огонь, но не люди – оконца выбиты, двери сорваны с петель, соломенные кровли размётаны. Здесь уже убивали просто так, для удовольствия, не в силах насытить жажду кровавой потехи: корова со вспоротым выменем, шея пробита копьями, изрубленный пёс, пригвождённый стрелами к брёвнам...

Алиедора забыла об осторожности, гайто шагал, предоставленный сам себе.

Она *слышала*, что на войне «случается всякое», как осторожно говаривали бывалые отцовы сподвижники; пока жила воспитанницей в Деркооре, сам сенор Деррано никогда не обсуждал в её присутствии подобное. В лучшем случае речь могла идти о бесчинствах каких-нибудь пьяных наёмников, никчёмного сброда, неизменно «приводимого к порядку и покорности» доблестными рыцарями замка Деркоор.

Конечно, в балладах враги не раз творили старательно описываемые менестрелями бесчинства. Но так то же были враги – зомби Некрополиса, северные варвары с той стороны моря Тысячи Бухт, из Моэ и Лимисба, порой – големы Навсиная, хотя Державу в Меодоре опасались трогать даже в уличных куплетах. Высокий Аркан отличался странной для столь могущественных магов чувствительностью к «поношениям в свой адрес».

«Нет, нет, – лихорадочно шептала Алиедора, – я ничего этого не видела. Совсем-совсем ничего. Мне всё почудилось. Это дурной сон. Сейчас я открою глаза и...»

Коротко всхрапнул жеребец, запнулся – доньята пришла в себя.

Скакун поднялся на небольшой лысый холм, куда вскарабкалась ведущая прочь из погибшего селения дорога – далеко впереди мелькали фигурки всадников, медленно тащились телеги. Алиедора настигла тылы меодорского войска.

Отчего-то сразу вспомнились плотно вцепившиеся в запястья чужие пальцы, потные и грязные.

Нет, *туда* она торопиться не будет. В конце концов, седельные сумки пока ещё полны, гайто себе пропитание тоже найдёт, хотя осенняя трава не относится к числу его излюбленных яств.

Алиедора знала эти места. День хорошей скачки до замка Деркоор. По правую руку – Фьёф, и, присмотревшись, доньята разглядела поднимавшиеся там дымные султаны – словно множество лезвий, вонзённых в распятое и беззащитное небо.

Земные и воздушные пределы Долье в равной степени платили за грехи клана Деррано.

Что-то заставило резко натянуть поводья, откидываясь далеко назад. Гайто захрипел, роя копытом землю, нехотя подчиняясь юной хозяйке; Алиедора остановилась, оглянулась – и застыла, холодея.

Прямо посреди пепелища стремительно вспухал громадный пузырь, в воздухе разливался отвратительный кислый запах.

Скорее, доньята, гони жеребца! Гони, не мешкай; в прошлый раз Гниль тебя отпустила, удовольствовавшись другою добычей – там, в «Побитой собаке»; сейчас может и не отпустить.

Скакун вскинул голову, дико заржал, почти закричал, но тонкие пальцы обрели сейчас прочность металла. Словно зачарованная, Алиедора смотрела, как надувается пустула, как лопается чудовищный пузырь, извергая поток жёлтых многоногих тварей.

Они растекались по пепелищу, и в самом деле словно гной из прорвавшегося нарыва; под сплошным их покровом исчезали обугленные брёвна, груды кирпичей, оставшиеся от рухнувших печей; исчезали и мёртвые тела. Там поток многоножек взвихрялся, замедляясь на краткое время, и вновь сглаживался, устремляясь дальше – словно кто-то швырял камни в речной поток.

...Она даже не думала о бегстве, Алиедору словно пригвоздила к месту чья-то невидимая рука, против её же воли норovia втолковать: «Смотри же, неразумная, смотри!»

И доньята смотрела.

Всё шире и шире делался жёлтый круг, укрывая, очищая землю от всей страшной памяти разорения: исчезало пепелище, исчезали тела людей и скотины – оставался лишь он, непобедимый, неодолимый, всепоглощающий...

Что же ты стоишь, безумная?!

А куда бежать? И зачем?

Алиедора будто окаменела в седле, руки с небывалой, неизвестной силой натягивали поводья, колени сжимали бока готового вот-вот взбеситься гайто. Многоножки приближались, сноровисто перебирая конечностями, щёлкали изогнутыми крючками челюстей; жеребец вконец обезумел от ужаса, узда вырвалась из рук доньяты, едва не оторвав ей пальцы, и скакун помчался прочь, миг оставив жёлтый круг далеко позади.

«Нет, гайто, стой, стой, во имя Семи Зверей! Я должна это досмотреть. Во что бы то ни стало».

Руки, вновь обретая твёрдость, поворачивают храпящего скакуна, пропитанный отвратительной кислотой ветер наотмашь бьёт в лицо, но Алиедора лишь прикрывает глаза ладонью и гонит, гонит гайто обратно, к залитой Гнилью деревне.

Вот и снова приметный холм, вот и следы копыт её скакуна – Алиедора останавливается и смотрит. Отвратительное зрелище, от которого любой, что в замке Венти, что в Деркооре, бросился бы наутёк так, что сверканье пяток осветило бы путь в любой тьме, – а она, благородная доньята, кому положено лишь истошно визжать да подбирать юбки, заскакивая на лавку, едва завидев мышь, сидит в седле, не в силах отвести взгляда от разворачивающегося перед ней таинства.

Да, да, именно таинства! Затопившее останки несчастной деревни жёлтое воинство добралось до околицы, захлестнуло плетни, растеклось по окрестным полям – и остановилось шагах в пятидесяти от подножия холма, где застыла Алиедора.

Многоножки в чём-то сосредоточенно рылись, словно и не замечая чёрного жеребца и тонкую фигурку наездницы в мужской одежде. Под шевелящейся поверхностью жадеитового озера уже исчезло всё, хоть чем-то напоминавшее о погибшей деревне: всё сгнуло, перетёртое в мелкую пыль неумоимо работающими жвалами.

Но что же дальше? Почему твари никуда не мчатся, не ищут себе новой добычи?!

Шуршали и шелестели жёсткие панцири, твари Гнили творили свой тайный обряд – Алиедора смотрела, будучи уверена, что никто больше ни в Доле, ни в Меодоре, ни в Доарне никогда не видывал ничего подобного. Да что там в Доле и Доарне! За такое зрелище отдали бы правую руку знаменитые маги Высокого Аркана или величайшие из мастеров Некрополиса; Алиедора никогда не слыхала, чтобы Гниль могла так себя вести.

А потом что-то разом вдруг изменилось. Доньяте показалось, что на неё в немом ожидании уставились миллионы холодных и пустых глаз. Многоножки замерли, дружно вперив в Алиедору мелкие колючие буркалы.

– Уходите прочь! – не выдержав, завизжала она. – Убирайтесь! Совсем! Утопитесь где-нибудь или полопайтесь все!

Наверное, внутренне она ожидала, что сейчас, как в балладах, всё скопище монстров безмолвно подчинится её воле; конечно, этого не последовало.

Многоножки просто отвернулись, давивший Алиедору совокупный взор множества злобных глазок исчез. Жёлтый поток неспешно потёк к доньяте, но и вполтину не так быстро, как, знала она, способны бегать эти твари.

Она едва не захлебнулась криком, со всей силы ударив скакуна каблуками по бокам.

Гайто не пришлось понукать. Сейчас он, наверное, обогнал бы даже северный ветер.

Многоножки остались далеко позади, но Алиедора вновь повернула скакуна, описывая широкую дугу. Что-то удерживало, не давало так просто удрать куда подальше.

Она должна увидеть, что случилось с той деревней!

...Край жёлтого потока как раз уходил за холмы, когда Алиедора вновь приблизилась к злополучному селению. Впрочем, о том, что здесь когда-то стояли дома, бродила скотина, жили обычными заботами люди, теперь не напоминало вообще ничего – на месте жуткого побоища темнела взрыхлённая, словно ждущая озимого посева, земля.

Не осталось ни углей, ни золы, ни завалов обгорелых брёвен, ни плетней – ничего.

Тел не осталось тоже.

Земля чиста и свободна от скверны.

От скверны?! С каких это пор убитые и замученные – скверна?

Земле всё равно. Это наше, людское. Это мы так считаем, а раскинувшееся у нас под ногами может решить совсем по-иному.

Гниль прорвалась – и там, где лилась кровь, где последние вопли, стоны и безнадёжные мольбы вонзались в землю, сотрясали воздух, отзывались корчами в подземных водяных жилах, – ровный и чистый круг.

Земля свободна от скверны, произнёс кто-то словно бы на ухо Алиедоре.

Земля. Свободна. От скверны...

Алиедора постояла ещё какое-то время, бездумно глядя на «пашню», на зрачок исполнинского глаза, вдруг открывшегося на просторах Долье.

...Невольно ей пришлось двигаться следом за жёлтым потоком. Многоножки деловито и сосредоточенно топали прямо по дороге, но непохоже было, чтобы они успели особенно пожить: их замечали издали и успевали разбежаться, где, конечно, оставалось кому разбегаться.

Вдоль тракта всё оказалось разграблено, как и в попавшемся Алиедоре селе. И на следующем пепелище многоножки задержались – точно так же очистив землю от всего, что напоминало бы о кровавой драме.

...К ночи твари стали, как и положено, умирать – беззвучно, безразлично к собственному существованию. Трупы их – перевернувшиеся на спину, со скрюченными, судорожно поджатыми лапами – сплошным ковром устлали землю, и гайто Алиедоры наотрез отказался идти по этому полю.

Пришлось дать большой крюк.

И повсюду доньята видела одно и то же – мёртвую, выжженную землю. Уже при свете первых звёзд Алиедора встретила унылую колонну бредущих пленников: меодорцы гнали на север караваны живой добычи, точно так же, как и совсем недавно дерранцы – на юг.

Ночью стало хуже, гораздо хуже. Зарево над Фьёфом испятнало горизонт, словно полчище жаб выпучилось круглыми гляделками на испуганно попятившиеся звёзды. Горело и далеко впереди, горело и позади.

С полуночных пределов явился бродяга-ветер, прошумел над ещё не остывшими угольями, поднял, подхватил бесплотными ладонями невесомую золу, с размаха швырнув её в девственно чистые ледники Реарских гор, и истоки рек помутились.

Алиедора дрожала у бока прикрывавшего её от ветра жеребца. Гайто тоже тревожился, шумно втягивал широкими ноздрями воздух – холодные потоки несли гарь и пепел.

Конечно, это всего лишь серфы. Само их существование – от милости сюзерена. Но Ом заповедал снисходить к нуждам малых и не творить насилия над беззащитными, иначе как карая за проступки.

Конечно, дерранцы начали первыми. Конечно, эти самые серфы послушно вставали в ряды их подсобных полков, являясь по первому зову сенора; наверняка они тоже не упустили своего, когда войско Деркоора разоряло окрестности Венти... – всё ещё пыталась успокоить себя Алиедора.

Утром, холодным и бессолнечным, она вновь взобралась в седло. За ночь пожары отпылали, и по небесным путям теперь стремились одни лишь тучи, уже не окрашенные горькими дымами.

Не желая рисковать, доньята кралась обочинами, от рощи к роще, мимо опустевших рыбацких деревенок, мимо серой глади озера Эве, старательно уклоняясь от встречи даже и с одиночными всадниками.

Меодорское войско, почти не встречая сопротивления, вонзилось в земли Долье, словно ядовитый кинжал в спину. Дерранцы отступали, даже не пытаясь встать заслоном.

«Впрочем, – скривив губы, подумала Алиедора, – оно и понятно: границу коренных земель рода Деррано мы ещё не перешли. А клан Берлеа... что ж, ему не повезло».

Но, с другой стороны, кто же теперь встанет под знамёна сенора Деррано, если он вот так бросает собственных союзников на разорение?!

Что-то здесь не так. Уж она-то, благородная доньята Алиедора Венти, чуть было не сделавшаяся младшей доньей Байгли Деррано, знала своего несостоявшегося свёкра. Жёсткий и жестокий, он знал, что такое держать слово. И не отступал от раз данного.

Дело нечисто. Как есть нечисто.

Сенор Деррано отступал по кратчайшему пути к родным стенам, оставив далеко за спиной Берлекоор и близко даже не приближаясь к восточному форпосту королевского домена – крепости Алете. Словно напоказ, словно старался уверить своих противников – это, мол, наша и только наша война, король тут ни при чем. Хотя отступить к Алете имело смысл – и это понимала даже неискущённая в воинских науках Алиедора.

Город-крепость был хорошо укреплён, его башни и баллисты (не говоря уж о королевских боевых магах) могли устроить меодорцам поистине тёплую встречу.

Не следует забывать и о том, что от Алете до столичного Симэ едва ли больше двух десятков лиг по добрым дольинским трактам – два дня марша пешего войска, а конные покروют этот путь и того быстрее.

Но это будет означать, что король Долье отринул позицию беспристрастного (хотя бы на первый взгляд) арбитра и в открытую ввязался в войну на стороне своего вассала, следом за его меодорским величеством, да не поседет как можно дольше его борода, думала Алиедора. А это уже не сеноры Венти против сеноров Деррано или даже не король Хабсбрад против Деркоора. Это Долье против Меодора.

Алиедора поёжилась. Воевать дольинцы умели – не зря же столько лет сдерживают повелителей нежити, кошмарных некромантов, с редкостным упорством засылающих на западный берег широкого Сиххота новые и новые отряды боевых зомби. Об этом Алиедора наслушалась, будучи воспитанницей в Деркооре; видела сама, как, отвечая на призыв короля, сенор Деррано собирал собственных вассалов отбивать очередную вылазку мертвяков и как потом рыцари возвращались, хвастаясь жуткими трофеями – отрубленными

головами зомбяков, долго жившими и ворочавшими глазами в стеклянных банках, куда их устраивал мэтр Бравикус; помнила причудливое оружие, всё в каких-то нелепых крюках и остриях, что тоже привозили гордые победою рыцари... Нет, Долье было сильным врагом, его воины – опытными и бывалыми.

В половине дневного перехода от Деркоора меодорцы настигли врага, или, вернее сказать, несостоявшийся свёкор Алиедоры наконец перестал убегать.

Меодорские полки развернулись широко, обойдя дольинцев с разных сторон и, похоже, ничуть не сомневаясь в победе. В их рядах бесперечь трубили рога, туда-сюда носились разряженные герольды, и достойные рыцари то и дело выезжали из шеренг, чтобы лишний раз бросить в лица гнусным дерранцам какое-нибудь особенно хлёткое сравнение их матушек с различными домашними и дикими животными, равно как и предпочитаемые ими способы интимных отношений.

Алиедоре хватило сообразительности не лезть в королевский лагерь, выдавая себя за какого-нибудь заблудившегося оруженосца. Собственно, она не слишком понимала, что и как собирается делать в грядущем сражении. Наверное, смотреть и ждать. Чего? Семь Зверей подскажут.

* * *

Кажется, на сей раз они попались.

В животе у благородного дона Дигвила Деррано прочно засел мерзкий ледяной комок, зубы судорожно сжались, челюсти закаменели. А всё отец, старый болван, выживший из ума, до последнего отказывавшийся бросить пленников! Всё про убытки толковал – какие уж теперь убытки, ноги б унести!

– Что, сынок, штаны намочил? – Отец обладал поразительной способностью появляться там, где и когда не надо. – Решил, старик Деррано из ума выжил, пора бы ему и на боковую, к Зверям, если уж до Ома Прокреатора не дотянет? А? Ну, думал так, щенок, признавайся? В глаза мне смотри!

Дигвил не опустил взгляда, но только Семь Зверей знают, чего это ему стоило.

– Б-батюшка... да разве посмел бы я...

– Что зенки не отводишь – молодец, – фыркнул сенор. – А что врешь – плохо. Отцу родному врать не моги! Всем должно казаться, что мы в ловушке, что выхода нет – верно?

– Так ведь и вправду нет, отец, – попытался возразить Дигвил.

– Умом в нашей семье расслаблен всегда был один Байгли! – рявкнул старший Деррано. – Не заставляй меня поверить, что и ты такой же. Неужто я бы не приказал телеги бросить, а полон перебить, кабы и впрямь Рыжую Бороду испугался?

– Но они ж окружили нас, батюшка...

– Окружили. Потому что такой приказ дал нам *наш* король. Его величество Семмер, владетель Долье.

– Ух! – не сдержался Дигвил. В животе стало куда легче.

– То-то, что «ух»... плохо, видать, тебя учил. Значит, так – встанешь на правое крыло и будешь держаться, покуда я трижды в рог не протрублю...

* * *

...Огромный гайто смиренно стоял в густом подлеске, совершенно по-человечески вздыхая, словно скорбя о готовой вот-вот пролиться крови. Алиедора укрылась в непролазной чаще на склоне холма; впереди, на широком поле строились полки, развевались многоцвет-

ные прапоры и трубили рога. Дерранцы сжались плотным клубком, вновь загородившись, где могли, телегами и укрыв за ними копейщиков.

Ну, начинайте же! – сгорала от нетерпения Алиедора, глядя на блестящее воинство Меодора, на сверкающие доспехи и гордо реющие штандарты. Чего тянуть?! Опрокинуть этих дерранцев, в землю их втоптать, так, чтобы и макушек не видать стало!

И его величество король Хабсбрад её словно бы услышал. Высоко-высоко взлетел наполненный горячим дымом сигнальный шар с развевающимся под ним алым прапорцем, где на врага кидался в вечной ярости золотистый саблезуб Меодора.

Шар поплыл над полем, которому ещё только предстояло сделаться смертным, над островерхими шлемами и пиками дольинской пехоты, над составленными вместе телегами, над шатрами, распахнувшими крылья пологов, над жёлтыми рощами; он поднимался всё выше, этот шар, а сильный ветер нёс его прочь, на север, к пограничной Долье.

В меодорских полках сыграли атаку – хриплым и нестройным хором множества рогов. Одна за другой конные сотни трогались с места – сперва шагом, постепенно всё убыстряясь и убыстряясь.

Восторг сдавил Алиедоре горло, она не замечала, как прижала к подбородку кулачки.

Вот спустили тетивы конные стрелки; вот, доскавав, спешили арбалетчики, спеша составить стену щитов, из-под прикрытия которой их товарищи станут поражать стан дерранцев; с гиком и воплями бежали меодорские пешцы, не иначе как его величество пообещал им долю добычи, когда станут грабить дольинский лагерь.

Вот рыцари, начав атаку шагом, пришпоривают коней, нагибают копыя; рядом с ними, чуть отставая, бежит пехота. Сейчас они сломают хребет наконец-то попавшему в ловушку зверю, сейчас, сейчас-сейчас...

Дерранские полки не дрогнули при виде скачущих на них блистающих рядов лучшей рыцарской конницы Меодора. У них тоже имелись и лучники, и арбалетчики, и они, похоже, решили дорого продать свои жизни. Отнюдь не бросив оружие, на что надеялась Алиедора, они как могли быстро тянули тетивы и перезаряжали самострелы.

– Ох, ох, ох, – быстро-быстро зашептала доньята, видя, как стали падать поражённые стрелами рыцари в первых рядах меодорского войска. Но расстояние быстро сокращалось, и, конечно же, стрелы не могли остановить порыв воинов Хабсбрада.

Когда разделяющее противников пространство почти исчезло под массой людей и гайто, дерранцы бросились навстречу, опустив копыя.

Треск и грохот сшибшихся рыцарских лавин, кто-то летит из седла, нелепо раскинув руки, кому-то острый пики сносит шлем вместе с головой, кому-то раскалывает щит, а кто-то, напротив, изловчившись, этим самым щитом сметает с седла неосторожного противника...

В разрывах рыцарского строя меодорская пехота полезла было на окружавшие стан телеги; защищавшиеся отбивались длинными пиками, в упор разряжали самострелы, в ход скоро пошли мечи и топоры.

Алиедора замерла, не в силах отвернуться, не в силах упустить хотя бы миг разворачивавшейся перед нею кровавой вакханалии.

Мы победим, мы не можем не победить!

Потом она доберётся до замка Деррано, она отомстит – и вернётся домой. Брат Карел, новый сенор Венти, окончательно примет замок под свою руку, матушка, как и прежде, станет вести дом, стараясь сжиться с утратой, не падать духом, ведь ещё надо женить и выдать замуж младших... и она, Алиедора Венти, – Венти, а никакая не Деррано! – займёт там достойное место. А потом... потом она встретит Его, настоящего, что въедет в ворота их замка на снежно-белом гайто.

И всё будет очень, очень хорошо. Жаль только, что папа не сможет провести её меж рядами шпалер к алтарю, где будет ждать нетерпеливый жених.

Но пока что ей надо отомстить. А уж овдовеет она при этом или нет – всё в руке Ома Прокреатора и Семи Зверей.

Она настолько пристально следила за королевским стягом Хабсбрада, что даже не заметила, когда в битве всё вдруг изменилось – с севера в спину торжествующим меодорцам ударили невесть откуда взявшиеся всадники, тоже красивые и гордые, в столь же блистающей броне; и точно так же плыл над их головами целый лес тонких копий с яростно трепещущими яркими прапорцами.

В самой же середине колыхалось золотисто-чёрное королевское знамя Долье.

Его величество Семмер почтил своим присутствием бранное поле.

Алиедора ахнула, поспешно зажав рот ладонью. Лоб мгновенно покрылся потом. Как же так? Почему? Это ж неправильно! Это мы должны были победить! Это мы – хорошие, это на нас напали! Это к нам – в балладах – всегда в последний миг являлась помощь! К нам, а не к негодьям Деррано!

Мало кто из меодорцев успел развернуться навстречу новой угрозе. Сверкающий клин отборных рыцарей Долье – Алиедора узнавала их стяги – пронзил насквозь один конный полк, ударил в бок другому, разбив на множество живых осколков, словно кузнечный молот глиняную чашу.

Меодорский стяг с золотым саблезубом ринулся наперерез чёрно-золотому знамени Долье, рыцари сшиблись, не уступая друг другу; однако из дальнего леса появлялись всё новые и новые отряды королевского войска, сноровисто беря меодорцев в клещи.

Алиедору трясло, как в лихорадке, – она понимала, что отсюда надо убираться, что поход его величества Рыжей Бороды заканчивается совершенно не так, как должно, – но сил подняться в седло не было, словно их без следа смыли безудержно полившиеся слёзы.

И она досмотрела до конца последний акт трагедии, видела, как золотой саблезуб Меодора поник и исчез, втоптаный в землю, как разбежалась в тщетной надежде спастись пехота, как один за другим бросали оружие и становились на колени с поднятыми руками гордые рыцари его величества Хабсбрада и как их деловито вязали торжествующие дольинцы...

...Победители не захотели праздновать «на костях», пленных погнали прочь, куда-то на юг, остальные полки, не мешкая, двинулись на север, в погоню за теми, кому посчастливилось вырваться из расставленной королём Семмером ловушки.

Алиедора всё сидела в зарослях и, если честно, почти не понимала, что творится вокруг. Ей вдруг показалось – надвинулись ранние сумерки, полуденный свет померк, светило утонуло в облачном море, и поле сражения как-то подозрительно быстро опустело.

Тела, тела, всё поле завалено телами людей. Специальные команды мортусов, которым предстояло похоронить мертвецов, ещё не появились. Мародёров тоже не было, никто не пытался обирать трупы – за такое король Семмер вешал быстро и высоко, не утруждаясь разбирательствами.

Доньята плакала и никак не могла остановиться. Но она всё-таки заставила себя приподняться и осторожно глянуть сквозь колючие ветки кустарника. По сердцу прошлась холодная коса страха – не за себя и даже не за родной Меодор. Однако Алиедора не отползала и не отводила взгляда до тех пор, пока вдруг не увидела Тень.

Тень соткалась из ничего там, где кипел особенно жаркий бой, где гуще всего лежали павшие. Вот ещё мгновение назад ничего там не было – а сейчас уже возвышается высокая, тонкая фигура, вся серая, словно и впрямь – поднявшаяся, оторвавшаяся от земли чья-то тень.

Тревожно зафыркал жеребец, наклонился к Алиедоре, зубами, слово пёс, потянул её прочь – но сама доньята точно оцепенела. Страху не было, скорее она боялась другого – моргнуть и пропустить нечто донельзя важное.

Тень медленно плыла над полем, чуть колыхаясь и совершая пустыми рукавами призрачного одеяния какие-то пассы.

Наверное, там всё-таки ещё оставались живые, потому что путь Тени оглашался стонами, почти что криками – на них умиравшие от ран тратили последние силы. По спине Алиедоры тёк ледяной пот, храпящий гайто тащил её прочь, словно *вайкса*-мать – крошкусшерстистика, а она замороженно глядела на жуткую сущность, что плыла над телами, задерживаясь лишь на краткий миг там, откуда раздавались стоны, – и они тотчас стихали.

Что это? Откуда? Почему и зачем?..

Жеребец немилосердно куснул Алиедору за плечо.

– Ай!

Тень замерла, обернулась в сторону скрывавших доньяту зарослей, и девушка ощутила, как холодный клинок словно разрезал её напополам, пресекая само течение жизни.

Замер даже гайто.

Однако ледяной меч, задев Алиедору и оставив её, как почудилось доньяте, умирать от страшной раны в груди, не задержался, не добил – скользнул дальше, а там и вовсе исчез, зарывшись в груды тел мёртвых и умирающих.

– Ч-что же это?.. – пролепетала Алиедора.

Холодное оцепенение отступило, доньята понемногу пришла в себя и сумела взобраться в седло. Захлёбываясь рыданиями, она тронула гайто. Жеребец осторожно зашагал, сам выбирая дорогу среди густых зарослей.

* * *

– Никогда не ставь под сомнение отцово слово!

– Да как бы я посмел, батюшка!

– Посмел бы, посмел, знаю я вас, племя нетерпеливое... Что я тебе говорил – поспеет нам на помощь его величество? – он и поспел! Теперь пойдём обратно. Надо скорлупку Венти всё ж таки расколоть. Да и вообще... Меодор – страна небедная. В отличие от нас, пред Омом Прокреатором согрешивших, видать, коль в соседи нам Некрополис определён...

– Батюшка, – сегодня в словах, голосе и взглядах Дигвила читалось куда больше почтения, – что же его величество хочет? До самой меодорской столицы дойти?

– Уж чего он хочет, то лишь его величеству ведомо, – громко ответил сенор, скорчив сыну злую гримасу, мол, ума лишился, а ну как нас подслушивают?

– Но слышал я, что иные сеноры по своей воле переходят Долье, направляясь в меодорские пределы...

– Правильно слышал, сынок. Дружина Аджekoора обложила Ликси, род Вереа подступает к Дреггу, даже лежебоки из Соллкоора проснулись. Всё Долье на север качнулось! Оно и верно – лови момент, пока Меодор на лопатках и к их горлу кинжал приставлен. Ох загорится по ту сторону реки, ох запоыхает! – Сенор Деррано расхохотался. – Славная будет охота, сынок, славная, и добыча тоже – уже сейчас столько знатных пленников набрали, что в пору ко гномам засылать, насчёт новых доспехов да мечей с ихними рунами справляться...

– Правда, батюшка? – Глаза у Дигвила сделались словно у мальчишки перед лотком со сладостями.

– Правда, правда... отдадим королевскую долю, как положено, – чуть громче и поспешнее добавил сенор, – но оставшегося хватит, ох, на многое, сын мой. На многое.

– А Байгли? – рискнул напомнить старший сын.

– Что Байгли? – поморщился отец. – Опять розгами размахивает небось?

– Размахивает, – кивнул Дигвил. – Нет, что ж с женой его так называемой делать? По закону-то он обращевался, замуж за него никого не возьмёшь, только бастардов плодить и может...

– Гм... – замешкался сенор Деррано, поневоле отвлекаясь от сладостных мыслей о взятой добыче. – Верно говоришь. Негоже младшему в роду оставаться неприкайным да бастардов, ты прав, плодить. Надо искать беглянку, Дигвил.

– Пожалуй, найдёшь её в этом бедламе...

– Она в замке Венти – где ж ей ещё быть?

– У них есть родня – на севере. Могли отправить туда.

– Могли. Но, скорее всего, Алиедора – в родовом гнезде. Венти был старый упрямец, камень, не человек. Се – моё и се – моё же. Дочка должна дома сидеть. Тем более что отослать её куда подальше – показать, что он нас с тобой испугался. Так что я не я буду, если наша птичка – не в замке.

– Прикажешь отрядить особый отряд, батюшка?

– Нет, не прикажу. Когда подступим поближе, тогда да. А рисковать добрыми воинами и слать их в глубь вражьей страны – не стану. За такое надо немалую награду сулить, а Байгли того не заслужил. – Сенор Деррано коротко и жёстко рассмеялся. – Пусть скажет спасибо, что позволяем ему с розгами баловаться.

– От него благодарности не дождёшься, – буркнул Дигвил.

– Неважно, – осадил старшего сына сенор. – Он твой брат, ты ему вместо отца будешь, когда меня не станет. Ему жена нужна. Младшие ветви засушивать не след. Никогда не знаешь, когда пригодятся.

– Всё понял, батюшка, – смиренно поклонился наследник Деркоора.

– То-то, что понял... Поглядим, как дальше будет.

– Но, отец... ты сказал – искать беглянку, а отряд слать не велишь...

– Не велю. Возьми мэтра Бравикуса, пусть отрабатывает жалованье. Пусть ищет, да как следует, гаданьями ли, эликсирами, ещё как-то – знать не желаю, как именно! Пусть укажет направление. И когда мы окажемся достаточно глубоко в меодорских землях – придётся тебе, сынок, порадеть-таки младшему братцу.

– Порадею, батюшка, – не стал спорить Дигвил, хотя сам бы, конечно, по доброй воле никогда за это не взялся. Умом старший из братьев Деррано понимал, что, с одной стороны, от бастардов Байгли ничего хорошего ждать не приходится, а с другой – этих бастардов пока что нет и не предвидится, а лезть в осиное гнездо замка Венти и выковыривать оттуда эту треклятую доньяту придётся именно ему.

Дигвил покачивался в седле, предаваясь не совсем обычному для молодого дона и наследника титула занятию – а именно размышлению.

Разбив в открытом бою меодорское войско, армия Семмера перешла пограничную реку сразу в пяти местах. С северо-востока прибывали гонцы: отряды Аджекоора осадил Ликси, воинство владетелей Веркоора – важную меодорскую крепость Дрегг рядом со слиянием Сиххота и Долье. Отдельные полки наступали от дольинских городков Ано и Эшби; зашевелились даже угрюмые отшельники из Соллкоора – их закалённые охотой на беглых серфов ратники подошли к Бринтону.

Его величество король Долье хорошо подготовился к этой войне. Причём готовился-то, похоже, уже очень давно. Может, с того момента, как его дочь, её высочество принцесса Эльгли, в слезах прискакала к воротам Симэ, сопровождаемая одной лишь камеристкой и держа на руках крохотную дочь? Сын беглой прин... то есть временно отлучившейся королевы в это же время мирно пускал слюни на руках служанки.

В свободных королевствах моря Тысячи Бухт случалось всякое. Мужья в припадке ревности убивали застигнутых с любовниками жён, и жёны, уличив супруга в неверности (что

случалось куда чаще «непристойного веселия» жён), травили и его, и соперницу алхимическим зельем. Бывали неурядицы и в семьях коронованных особ, однако случай с принцессой Эльгли был поистине особым.

Её выдали замуж за молодого, но уже известного своей силой и разудалым буйством Хабсбрада Рыжебородого, короля Меодора, только что взошедшего на трон после того, как Белая Смерть унесла его почтенного родителя. Почему молодая королева через три года супружества покинула Меодор, в Долье судачить было не принято. Рука у его величества Семмера была тяжёлая, а на рудниках или, скажем, на бастионах Военного тракта вечно не хватало кандалных рабов. Никто никогда не видел и маленьких принца с принцессой – они росли в закрытом от всех внутреннем дворце в Симэ, куда не допускались даже знатнейшие сеноры, хозяева семи как бы самостоятельных владений под эгидой скипетра Симэ.

Хабсбрад получил разрешение жениться вторично, на Мейте Доарнской, но пока что у них рождались только дочери.

А за спиной Долье оставался Некрополис. Мёртвая река Сиххот, разделившая, как и положено, земли живых и... живых, но живущих в смертной тени, живых, повелевающих ордами нежити. Цепочка крепостей на левом берегу, веками укреплявшемся всем, что только мог измыслить простой человеческий разум: стенами и частоколами, рвами и палисадами, боевыми башнями и целыми полями ловчих ям.

Невольно Дигвил вспоминал собственные путешествия вдоль Военного тракта, от Илтекоора до Веркоора возле слияния двух больших рек, живой и мёртвой. Никто не знал, что именно сделали мастера смерти с Сиххотом, но в его водах не водилась рыба, птицы не вили гнёзда на его берегах, и люди остерегались касаться маслянистой, серой, всегда подозрительно недвижимой глади.

Долье в одиночку сдерживало Некрополис.

А ведь когда-то давно существовал договор между всеми Свободными королевствами, от Долье на юге до Воршта на севере. Их правители поклялись на Большом Камне, что хранится в Симэ, наверное, самом большом Камне Магии, оставшемся в руках простых людей, – что будут защищать рубеж Сиххота как свой собственный, жертвовать на его всемерное укрепление, посылать свои отряды и в черёд нести караульную службу...

Какое там. Договоры долго не держатся. В Долье давно не слыхали о полках не то что из далёкого Воршта, но даже и из соседнего Меодора. Поэтому, вспоминал Дигвил, многие искренне радовались свадьбе, брачному союзу Долье и северного соседа, богатого и землёй, и людьми. Королевство Семмера казалось крохотным в сравнении даже с невеликими царствами на берегах моря Тысячи Бухт.

Неужели правитель Симэ рискнул оголить границу с Некрополисом? Да, в последнее время стычки стали редкостью, отряды зомби и их погонщиков нечасто появлялись на «мёртвом» берегу Сиххота, нечасто пытались преодолеть убитую (как не сомневался Дигвил) их собственным колдовством реку.

И всё равно лучшие рыцари несли стражу именно там. Обитавшие вдоль Военного тракта серфы платили меньший оброк.

А теперь – война с Меодором, война настоящая, это уже не свара двух поссорившихся сеноров. Король Семмер, похоже, решил, что можно рискнуть. Дигвил видел штандарты королевской гвардии, с которыми они выходили на торжественный марш перед окнами королевского дворца в столице. А дальше – не знамена ли сенорства Эфферо, самого непримиримого и самого упорного из всех семи сенорских родов? Непримиримого к хозяевам Некрополиса, конечно же, и самого упорного в том, что львиную долю собранных податей, даней и оброков следует пустить не на всякие глупости, а на вящее укрепление отпорной черты вдоль Сиххота? Неужто и хозяева Эфкоора сменили мнение, решив, что главный враг Долье – за одноимённой рекой, вовсе не за Сиххотом?

Думай, Дигвил, думай, много думай. Тогда, быть может, голова твоя и удержится на плечах.

Глава 5

И вновь Алиедора бежит, и вновь на север – к родному замку Венти. Но теперь уже всё совсем не так. Тогда перед ней лежала мирная страна, а теперь... До самой Долье меодорские роты не оставили ничего живого, и жеребец доньяты тревожно храпел, косясь на мёртвые пепелища.

Назад к реке бежало сейчас немало люда, вырвавшегося-таки из цепких дольинских лап; за ними гнались, и не раз Алиедоре попадались чудовищно обезображенные трупы в цветах королевских полков Хабсбрада.

Из глубины Долье наперехват бегущим спешили новые отряды, быть может, невеликие числом, но и этого хватало, чтобы перенять толпу и обратить её в совершеннейшее стадо, отбросившее даже мысли о сопротивлении.

На сей раз Алиедора знала – у устья Эве её не ждут грубовато-приветливые меодорские паромщики. Если кто и цел – давно удрал, едва только у причального настила появились первые беглецы. И потому доньята решительно двигалась кратчайшим путем. Лишь бы добраться до реки, а там видно будет.

А позади осталось мёртвое поле и жуткая Тень, что скользила над телами... по счастью, ужас больше не показывался. И едва ли, кроме Алиедоры, кто-то его видел.

Говорят, хорошие мысли приходят в умные головы одновременно – не все беглецы, уцелевшие после разгрома, бросились, подобно стаду баранов, к переправам у Фьёфа. Хватало и тех, кто, подобно Алиедоре, прямым путём поспешал к реке, рассчитывая перебраться вплавь.

Несколько раз только резвость жеребца спасала доньяту («Эй, ты, сквайр! стой! слазь, кому говорят! скакуна давай!..») от желающих взобраться на спину гайто. Алиедора лишь молча пригибалась к покрытой гладкой чешуёй шее и давала жеребцу полную волю.

Сзади широкой косою надвигались дольинские полки, развернувшиеся, словно на загонной охоте.

Пограничная река казалась сейчас настоящим спасением.

На рассвете скакун Алиедоры, тревожно фыркая и поводя ноздрями, осторожно вступил передними бабками в жгущие холодом струи. Над поверхностью воды разлеглась туманная завеса, полностью скрывшая далёкий меодорский берег.

– Ну, пошёл же! – нетерпеливо толкнула жеребца доньята.

Но умный гайто не двигался с места.

И лишь когда туман вдруг изрыгнул из себя чёрные короткие росчерки злых стрел, скакун рванулся вперёд, уходя из-под прицела лучников.

Алиедора чуть не наглоталась воды – поднятая жеребцом волна накрыла её с головой. Миг – и гайто быстро поплыл, вытянув шею и низко держа голову, так, что едва были видны ноздри, словно зная, как надо спастись от выстрелов.

Доньята, как учили, соскользнула со спины плывущего жеребца, пристроилась рядом, вцепившись в уздечку и стараясь пореже выныривать.

С плотов кто-то кричал, указывая на беглецов лучникам. Алиедора оглянулась: на дольинский берег высыпало сразу дюжины две беглецов. Она хотела крикнуть, предупредить – но плеснувшая волна очень некстати принудила закрыть рот, отплёвываясь от набравшейся воды.

Люди поспешно сбрасывали доспехи, швыряли оружие и один за другом бросались в реку, похватав всё, что могло бы плавать.

Выгребая одной рукой, Алиедора ухитрилась повернуться на бок, смогла-таки предостерегающе крикнуть – когда с плотов вновь начали стрелять.

Стрелы хищно клевали серую гладь вокруг голов плывущих; кое-кто из беглецов поворачивал назад, иные, самые неудачливые, молча уходили под воду, краткое время спустя всплывая спинами вверх, подставляя туманной хмари пробитые навывлет затылки.

Кажется, она заплакала, не чувствуя слёз, сразу же становившихся добычей ненасытной Долье, бравшей с доньяты дань если не кровью, так хоть слезами.

Гайто плыл, и стрелы уже дважды отскочили от его прочной чешуйчатой шкуры, Алиедора держалась рядом.

Но вот – скакун нащупал копытами дно, замедлился, и Алиедора влезла-вплыла обратно в седло. С них потоками стекала вода, когда жеребец вынес-таки девушку обратно на родной меодорский берег и, не нуждаясь в понуканиях, помчался прочь, унося свою маленькую хозяйку от нацеленной ей в спину смерти.

* * *

Мало кто из меодорцев выбрался на северный берег Долье. Немногие счастливицы, мокрые, зачастую израненные, лишившиеся доспехов и оружия, теперь брели прочь от злосчастной реки. Родная земля встречала их сполохами взметнувшихся на полнеба пожаров – точь-в-точь таких же, что совсем недавно полыхали над градами и весями дольинского королевства.

Успевшие переправиться полки Семмера сторицей возвращали утраченное. Что могло гореть – сжигалось, что нет – обрушивалось.

Алиедоре пришлось забиться в самую глубь осеннего леса, уже облетевшего, неласкового, пустого, голодного. Развести костёр доньяте не удалось. Вновь спас верный гайто – согревал собственным теплом, пока она, раздевшись, дрожала у него под боком, пытаясь хоть немного просушить одежду на ветру.

Какие припасы оставались – размокли, обратились в кашу. Алиедора зубами вытащила затычку из заботливо сохраняемой бутылочки, зажмурившись, хлебнула обжигающе-огненной жидкости, поперхнулась, зашла кашлем.

Гайто подо двинулся ближе, смотрел сочувственно.

– Что же мне делать, скакун мой? – лихорадочно шептала доньята, прижимаясь к тёплой броне. – Ведь это же всё из-за меня. Из-за меня. И папу убили из-за меня, и земли разорили, и король Хабсбрад из-за меня погиб... что же теперь будет-то?

Жеребец внимательно глядел на трясущуюся девушку, слушал, словно и в самом деле понимал и хотел что-то сказать, да только – вот беда! – Семь Зверей не наделили его предков в незапамятные времена священным даром речи.

Пойдут ли дольинцы *за ней* в замок Венти? Или... может, они *просто* пойдут к замку, потому что богатства её рода известны всем в Свободных королевствах?

Нет, нет, скорее туда, скорее – предупредить, может, кто-то ещё успеет спастись – матушка, младшие сёстры и братики. Есть ведь родня на севере, можно уехать и в Доарн – туда рука сенора Деррано вряд ли дотянется.

Одевшись в так и не просохшие вещи, заставлявшие содрогаться и выбивать зубами дробь, Алиедора вновь взобралась в седло. Её начинал мучить озноб, купание в осенней реке не прошло даром.

Доньята ехала напрямик через глухие чащобы, излюбленные охотничьи места его величества Хабсбрада Рыжебородого – зверей она сейчас совершенно не боялась. Если скоро свернуть вправо, напрямик к родному замку – она наверняка угодит прямо в лапы дольинцам, что валом валят на север от реки. Не всегда самый прямой путь – самый же и короткий, твердила Алиедора, значит, надо найти пусть более долгую, но более безопасную дорогу.

Что там сейчас на востоке, возле Иллидэ? Где ещё войско Семмера могло вторгнуться в Меодор? Неведомо. Единственное, что могло это подсказать, – пламя пожаров, охватившее весь горизонт по правую руку Алиедоры.

«Не успею, не успею, не успею, – шептала она, смахивая слёзы тыльной стороной кисти и шмыгая носом. – Гайто, милый мой, дорогой скакун, не выдай!»

И вороной не выдал. Зло и упрямо нагнув голову, он неведомым чутьём отыскивал в чащах звериные тропы, безошибочно выходил к водопоям и мчался, мчался, мчался без усталости, как только появлялись прогалы в густых зарослях. Алиедора наконец сообразила, что уже давно не правит скакуном – он сам находит путь.

Через пять полных дней они оказались на большой дороге – той самой, что вела от Бринтона и Сашэ к родному Венти.

Сюда ещё дольинские отряды добраться не успели. Во многих деревнях приписные пахари тупо таращились на поднимавшиеся вдоль горизонта пожары, но... ничего не делали.

– Уходите! Прочь отсюда! – кричала им доньята, на краткий миг задерживаясь возле колодцев. – Идёт Семмер! Семмер идёт! Никого не пощадит! А кого сразу не убьют, продадут Некрополису! Как есть продадут, сама видела! – добавляла она для вящей убедительности.

Алиедора мчалась по тракту, словно вестник Смерти – прямо навстречу полыхавшему зареву. За её спиной серфы поспешно угоняли скотину, уходили прочь, в леса к северу от большой дороги.

«Я должна добраться до Венти, – сцепив зубы, твердила себе Алиедора. – И я доберусь».

Она не спала, почти не ела и лишь пила – жажда мучила неотступно. Подступившая болезнь заставила её три дня проваляться в жару, спрятавшись на заброшенном поле наливника; скакун сторожко пасся в ближайшей роще; теперь доньята гнала своего жеребца прямо по дороге, не боясь ничего и никого, охваченная каким-то странным порывом, в сознании своей полной и абсолютной неуязвимости.

Однако к самому замку Венти она опоздала. Дольинские полки вышли на ту же дорогу раньше её, перекрыв все пути к дому Алиедоры.

Теперь доньяту вновь встречали опустевшие, разграбленные, разбросанные по брёвнышку деревеньки, где орудовали шайки мародёров.

...Она знала это село. Раньше, до того, как сделаться воспитанницей в Деркооре, Алиедора не раз ездила сюда вместе с матушкой и сёстрами – на ярмарку, известную по всей округе.

Здесь дольинцы не жгли и не убивали – они деловито вывозили всё, что только могли. Собрали пахарей и их семьи длинной цепочкой; верно, готовились угнать на юг. Из награбленного сбился немалый обоз – полсотни телег, не меньше.

Алиедора молча ехала прямо по дороге, никуда не сворачивая. Впереди, у околицы, расположился десяток воинов в цветах рода Берлеа.

Здравствуйте, соседюшки...

– Эй, ты! Кто такой?! – вскочили двое, наставляя пики.

Гайто спокойно и бестрепетно шагнул прямо на них. Алиедора заранее вытащила из ножен свой лёгкий меч, повесила под правой рукой заряженный двумя болтами самострел.

Дивное чувство, когда не замечаешь и не боишься чужой стали, будучи неколебимо-твёрдо уверена, что она не в силах причинить тебе вред.

– Стой, кому говорят! – завопил младший из пикинёров. Доньята мимоходом скосила глаза: кожаная куртка с грубо нашитыми стальными пластинами, низкий и плоский шлем... явившийся по королевскому слову общинник или серф. Нет, скорее общинник, серфы не усердствуют и по собственной воле ничего не спрашивают.

– Сквайр! Оглох, что ли?! – поднялся и десятник.

Дольинцев сбил с толку нечеловеческое спокойствие Алиедоры и её скакуна. Гайто пофыркивал на чужих, но ничего большего себе не позволял.

Алиедора так и не ответила. Острия пик коснулись грудной брони её жеребца, когда рука доньяты слово сама по себе вскинула двудужный самострел и нажала на спуск.

Десятника отшвырнуло, он упал на спину, захрипел и забулькал, обхватив руками пробитое железным болтом горло. Второй выстрел достался говорливому пикинёру – остриё вошло в глаз, словно она, Алиедора, всю жизнь только и занималась, что била из арбалетов, и притом исключительно в яблочко.

Опрокинув пару дольинцев, оказавшихся ближе других, скакун доньяты помчался, да так, как не летел он и в самую первую ночь её побега. Прямо по улице, никуда не сворачивая.

«И зачем я вообще полезла в эту деревню, будь она неладна? Не могла объехать лесом?» – мелькнула запоздалая мысль.

Она ещё успела уронить на землю и затоптать копытами гайто бросившегося ей наперез копейщика похрабрее, из тех, что охраняли полон. Те не упустили момента, бросившись врассыпную, и вовремя – потому что прямо посреди деревенской улицы стремительно вздувался хорошо знакомый пузырь. Остро завоняло металлически-кислым, и доньяте не требовалось даже оглядываться: Гниль шла за ней по пятам.

Недавние пленники и пленители разом забыли обо всём, воины сенора Берлеа удирали ещё поспешнее обитателей деревни. Гниль заставляла забыть все распри, смертельные враги кинулись спасаться вместе.

Жеребец вихрем пронёсся сквозь обречённое село. Конечно, это не пепелище, может, после нашествия Гнили тут что-то и уцелеет, как это обычно случалось – когда многоножки охотились за живой добычей, а не просто стирали все следы когда-то стоявших стен и живших за ними людей.

...Алиедора остановилась не скоро, свернув с торной дороги в чащу – где просто свалилась с седла и дала волю слезам.

Где она – там и Гниль. Четырежды за последнее время, с самой «брачной ночи», этот ужас прорывался – и совсем рядом с ней. Видать, незримо и неслышимо крался рядом, выжидая удобного момента: «Побитая собака», «Поросё-нок», стёртая с лица земли деревня в сенорстве Берлеа, и вот теперь – здесь, вблизи от родного Венти.

Доньята слишком хорошо знала, что случается с теми, кто «Гниль привлекает», как говорили серфы.

«Но как же?... но я же... я была хорошей... за что же меня так? И как теперь возвращаться домой? Что, если Гниль прорвётся в самом Венти? И не один раз? Конечно, камень – это не дерево, многоножкам с ним справиться труднее, но что, если нарывы станут лопаться посреди замкового двора что ни день?

Или... стой, а что, если?..»

Алиедора подняла залитое слезами лицо, судорожно всхлипывая и шмыгая носом. Осенний лес равнодушно смотрел ей в спину, по руке полз какой-то запоздавший лечь спать муравей.

Гниль идёт за ней по пятам? Отлично, значит, пусть она прорвётся в самой гуще дольинского лагеря!

«Но я же не могу её вызывать, – оспорила сама себя доньята. – Гниль просто чаще прорывается там же, где и я. Но я не ведьма, это только они умеют насылать беду. Эх, эх, ну почему обычно эти самые ведьмы кишмя кишат, так, что дров не хватает их сжигать, а как нужно – так ни одной поблизости нет?»

Алиедора поднялась на колени, последний раз громко шмыгнула носом – бедная маменька, видела б она её сейчас – от таких манер точно упала б в обморок.

Мыслям в голове вдруг стало как-то непривычно и необычно тесно.

А почему же все те ведьмы, что насылали порчу и призывали Гниль, поклонялись демонам и всё такое прочее, – почему же они не насылали её на тех же дерранцев? Или почему дольинские ведьмы – а такие есть, Алиедора не сомневалась – не проделали то же самое с меодорцами, когда те принялись жечь и разорять Берлеа?

Она обхватила голову руками, замерла, раскачиваясь. Что-то очень важное доньята почти уразумела, что-то важное – но неуловимое, что никак не выговоришь, несмотря на все старания.

Гниль. Ведьмы. Ведьмы. Гниль. Чудовища-дети, кого и детьми-то назвать язык не повернётся. Фра Шломини учил, что Гниль насылается ведьмами «по Ома попущению, за грехи наши». Серфы и свободные пахари, ремесленники в городах и купцы торговых гильдий, матросы и рыбаки – никогда в этом не сомневались.

Вот сейчас – сейчас *надо*, чтобы кто-нибудь насыла Гниль по-настоящему.

«Но кто? Или всё, что говорилось, будто Гниль можно «призвать», – просто сказки? И если она следует по пятам за мной, я что же, получается, сама ведьма? Или со мной какой-то особый случай, а ведьмы действительно хотели лишь всем вредить и всех губить, а до распри Долье с Меодором им и дела нет?

Ох, ум за разум заходит от такого! Так всё было просто – Байгли негодяй, я – его жертва, бегу и спасаюсь в родных стенах, злые дерранцы идут на нас походом... А теперь что? Бесчинства в Долье, да ещё – Гниль эта...

Нет, нельзя мне домой, – с отчётливым ужасом подумала Алиедора. – Если правда всё, что я тут себе напридумывала, то никак нельзя. А надо и впрямь крутиться возле дольинского лагеря – потому как не каждый же день возле меня прорыв происходит...»

Нет, на чуть-чуть в замок Венти, к своим, она, конечно, заглянуть сможет, убеждала себя Алиедора. На чуть-чуть, совсем на немного – потому как действительно, *не каждый же день* Гниль прорывается.

А остальное время надо быть возле дерранцев и иже с ними. Юная дева на вороном гайто, стремительная, таинственная и неуловимая, ночной ужас захватчиков, страшная, неотступная и смертоносная.

В мечтах Алиедора уже успела увидеть себя единолично уничтожившей всё войско Долье и въезжающей – на чуть-чуть, конечно же, на чуть-чуть! – под своды родного Венти; путь ей усыпают цветами, старшие сёстры рыдают и просят прощения, что дразнили её в девчоночьи годы, королева приглашает её разделить меодорский дворец с нею, спасительницей страны, – а она, Алиедора, гордо и печально отказывается, чтобы, облачившись в тёмные одежды, отправиться в уединённые края, туда, где преследующая её Гниль никому не причинит вреда.

Доньята вновь шмыгнула носом: перед глазами, как живая, застыла картина тайной пещеры высоко в горах, чтобы виден был весь Меодор с его лесами, реками и речушками, водопадами, городами и сёлами, острыми шпилями над храмами Ома, ползущими по мирным, безопасным дорогам купеческими караванами; а над всем этим – узкий вход в подземелье и застывшая тонкая фигура в тёмной одежде, с молитвенным смирением сложившая руки, смотрящая на спасённый ею мир. А питаться она станет доброхотными даяниями благодарных поселян.

Да, это было бы... неплохо. Хотя, гм, у поселян доброхотные даяния не слишком-то вкусны, так, на крайний случай, чтобы живот бы от голода не сводило.

«Хватит, дура! – зло оборвала себя Алиедора. – Совсем рассудка лишилась. Вставай, надо ехать к замку...»

Так или иначе, она вновь позволила скакуну самому выбирать дорогу, и жеребец тоже решил, что лучше стойл замка Венти места нет.

По торному тракту на великолепном скакуне доньята добралась бы до дома в считанные дни, а тут пришлось путать следы, петлять, поспешно сворачивать с дороги, едва заведя впереди подозрительные дымы или всадников. Дважды за ней решили погнаться, оба раза Алиедору выручил скакун; замок Венти приближался, а она так и не могла ни на что решиться. Прорывов Гнили больше не случилось – зато случилось иное. Во множестве.

Похоже, окрестности её родного замка дольницы решили разорить с особой тщательностью, можно даже сказать – с методичностью. Здесь Алиедора не увидела следов особой жестокости – именно тщательность и методичность. Сами дома сожжены, люди уведены в полон, нехитрый скарб погружен на тяжёлые телеги, влекомые медленными тягунами на юг, к переправам через Долю.

Чувствовалась хозяйская рука короля Семмера, бережливого и рачительного правителя. Какой смысл убивать несчастных серфов, если их можно выгодно использовать на собственных рудниках?

Ближе к самому Венти некогда цветущая земля обратилась в нагую пустыню: дольницы не пропускали ничего, даже самого заваливающего сеного сарая.

«И сотворили землю пúсту», – вспомнились доньяте слова давнего сказания. Правда, там речь шла о бессердечных и бездушных некромантах, Мастерах Смерти, хозяевах Некрополиса – ну так от них никто и не ожидал ничего иного.

Хотелось есть. Давно закончились те крохи, которыми удалось разжиться в последних на пути ещё не разорённых деревнях. В животе поселилась тупая голодная боль, и доньята с завистью взирала на обгладывающего кору гайто.

Неужели никто не сражается с этими варварами Семмера? Что сейчас в Меодоре, где королева, где коннетабль, где знатнейшие пэры? Далеко не все ведь отправились вместе с Хабсбрадом. Почему они не спешат нам на выручку?

Последней ночью от холода и голода Алиедора уже не могла сомкнуть глаз.

Замок Венти лежал на расстоянии вытянутой руки, но вокруг него рассыпалась разноцветная грибница чужих шатров, встали палисады и рвы. И, хотя на высоких шпилях замка гордо трепетал золотой саблезуб Меодора, рядом со штандартом самого рода Венти, топором, разрубающим гору, внизу, среди осаждавших, Алиедора увидела до боли знакомый стяг Деркоора, а вовсе не чёрный с жёлтым королевский флаг. А это означало, что Семмер не остался здесь, пошёл дальше – куда? К столице, где ещё можно было встретить сопротивление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.